

ОЛЕГ КУВАЕВ

Территория

Paulsen

Олег Куваев
Территория

«Паулсен»

1974

УДК 821.161.1
ББК 84

Куваев О. М.

Территория / О. М. Куваев — «Паулсен», 1974

ISBN 978-5-98797-127-7

Роман Олега Куваева «Территория» рассказывает о полярных геологах, посвятивших себя поискам золота на крайнем северо-востоке нашей страны. О людях, сделавших работу своей религией и нашедших в этом смысл жизни. В этой книге вы не найдете напускной романтики или выдуманных приключений – в ней есть только правда жизни. Автор много лет проработал в Арктике, в геологических партиях, и пишет о том, что хорошо знает. Большая часть персонажей имеет реальные прототипы, хотя в целом, конечно, образы собирательные – как и образ Территории, в котором, тем не менее, без труда узнается Чукотка. Сила эмоционального воздействия романа на читателя, его мощный нравственный посыл и емкий яркий стиль изложения ставят это произведение в один ряд с шедеврами мировой литературы. «Территория» – книга из числа тех, которые должен прочесть каждый, и чем раньше, тем лучше. Роман предваряет автобиографический очерк «О себе», дополненный фотографиями из архива семьи писателя и фрагментами из других его произведений и писем. Издание 2-е, переработанное.

УДК 821.161.1

ББК 84

ISBN 978-5-98797-127-7

© Куваев О. М., 1974

© Паулсен, 1974

Содержание

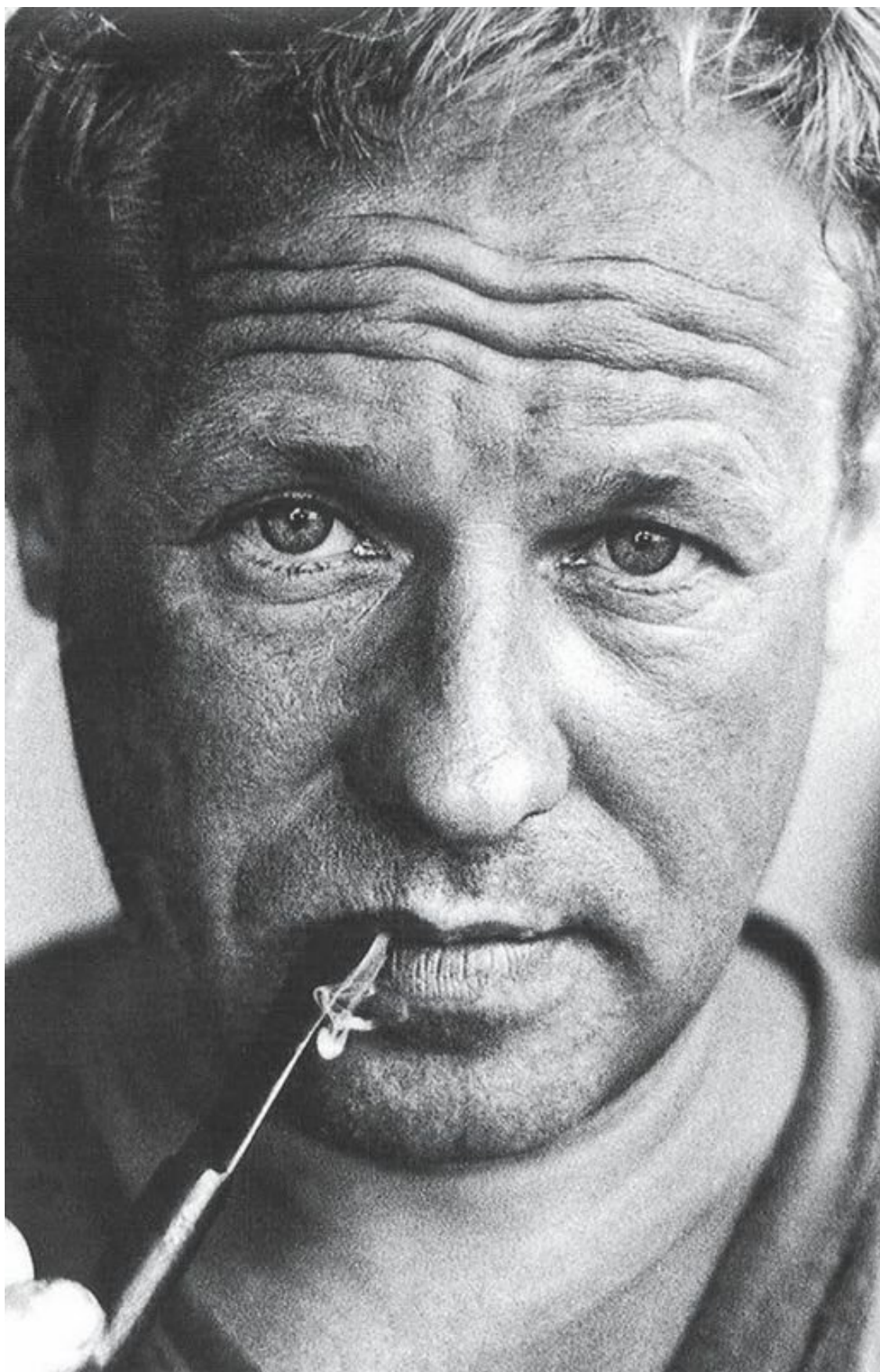
Парадокс Куваева	7
Олег Куваев	10
Олег Куваев. О себе. Автобиографический очерк	12
Территория	40
Всестороннее описание предмета	40
Примечания к маршруту	43
I. Лето	45
1	45
2	55
3	64
4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Олег Куваев

Территория

© О. Куваев, наследники

© 2020, издательство «Паулсен»

Парадокс Куваева

«Трепещите, потомки!» – наполовину в шутку, наполовину всерьез записал в своей полевой книжке 21-летний студент Куваев, парадоксально предчувствуя свою дальнейшую незаурядную судьбу. Это было во время его первой экспедиционной практики в Тянь-Шане. После окончания третьего курса МГРИ жизнь казалась прекрасной и удивительной, а бродячее геологоразведочное будущее – желанным и ясным. И ничто тогда не предвещало, что через весьма короткое по историческим меркам время в авторитетнейшем Российском энциклопедическом словаре напишут: «КУВАЕВ Олег Михайлович (1934–1975), русский писатель», и далее про острые нравственные конфликты в его романе «Территория» (1974). Заурядные персоны и произведения в подобные издания не попадают.

Однако Олег Куваев, строго говоря, и не был обычным человеком. Много ли есть людей, которые с самого детства точно знают, кем и какими они хотят быть? А потом, несмотря ни на что, пренебрегая соображениями бытового благоразумия, с необоримым упорством прокладывает путь к своей мечте? В самом начале романа «Территория», в главе «Примечания к маршруту», есть такие слова: «Вы полетите туда самолетом... Рейс ваш окончится не на той планете, с которой начался». Куваев как раз и есть с *той* планеты. Похоже, он инопланетянин, сродни Маленькому принцу Сент-Экзюпери, невесть каким ветром занесенный к нам и внедренный в тело любознательного вятского паренька. Наверное, затем, чтобы, пройдя и поняв всю нашу планету, от столицы до самых окраин, от раскаленных солнцем южных гор до скованных льдом северных морей, в конце своей главной книги спросить жителей Земли: довольны ли они собой?

Творчество Олега Куваева, да и сама его жизнь полны парадоксов. Полярный геолог, представитель одной из самых романтических (с точки зрения обывателя) профессий на свете, к романтике он относился вполне иронически. «Где начинаются подлинные факты, там исчезает романтика», – писал он одному из своих друзей. А натужная газетно-журнальная «р-романтика» его просто раздражала. Уже чувствуя себя уверенно на литературном поприще, как-то «под веселую руку» Куваев написал письмо знакомому человеку в редакцию журнала «Вокруг света», озаглавленное «Оскорбление». В этом письме, по его собственным словам, он «поносил всех редакционных пижонов за то, что они пишут о всякой романтике, сидя на редакционных удобных диванах, под сигаретный дым пишут о дыме костров, а под шум воды в унитазе о тропических грозах, в общем и т. д. ...» Интересно, кстати, что ни одно из ранних произведений Олега Куваева, которые он планировал создать в «романтическом духе», так и не увидели света – сам автор счел их слабыми и малокровными.

Выросший среди дремучих вятских лесов, Олег Куваев на всю жизнь прикипел душой к безлесным тянь-шаньским предгорьям и чукотской тундре. Мечтая с детских лет о морских плаваниях у берегов Юго-Восточной Азии – Цейлона, Целебеса, Явы и так далее, – он утолял эту страсть, сплавляясь по ледяным чукотским рекам, выходя на вельботах и байдарках в акватории морей Северного Ледовитого океана...

Можно и дальше перебирать куваевские парадоксы, их список далеко не исчерпан. Но самый удивительный среди них – это то, что совершенно советский и по происхождению, и по образу жизни, можно даже сказать, *типично* советский писатель Олег Куваев одновременно был и весьма несоветским, хотя наверняка сам никогда не задумывался об этом и не мыслил себя вне существовавшей тогда системы общественных отношений. Просто он честно смотрел жизни в лицо, стараясь описать ее как можно более правдиво и точно. Правда как нравственная категория была для него столь же естественна, как дыхание. Иначе говоря, он никогда и ни за что не написал бы слова «залп «Авроры»» об известном событии нашей истории, зная, что на самом деле это был один выстрел, да и тот холостой... У него совершенно отсутство-

вал конъюнктурный рефлекс, характерный для многих, если не для большинства, собратьев по литературному цеху. Поэтому парадоксальным для того времени кажется моментальный и необычайный успех романа «Территория», сразу же сделавший автора знаменитым. Роман хвалили «литературные генералы» Борис Полевой и Юрий Бондарев, им заинтересовался патриарх советской литературы академик Леонид Леонов. За журнальной публикацией последовало издание в «Роман-газете» полуторамиллионным (!) тиражом.

Избранники богов умирают молодыми. Олег Куваев не дожил до выхода первого книжного издания романа. Ему было всего сорок...

Уже после внезапного ухода автора роман получил премию имени Магаданского комсомола (1976) и первое место на конкурсе ВЦСПС и СП СССР как лучшее произведение о рабочем классе (1977). Теперь уже не все знают, как расшифровываются эти когда-то громкие советские аббревиатуры. Однако это несущественно, важен очередной парадокс – аскетичный и жесткий роман без лозунгов и красот, без пафосной трескотни, без единого слова о руководящей роли коммунистической партии оказался вдруг нужным всем – и людям, и власти, – как никакой другой.

С момента выхода романа прошло ровно сорок лет. За это время его перевели на два десятка иностранных языков, около тридцати раз он издавался на русском. Только за последние два года настоящее издание – четвертое по счету. Книга нужна людям, если ее покупают и читают. Что же делает роман Олега Куваева столь востребованным – и тогда, и сейчас?

Проще всего сказать, что от него невозможно оторваться, что чтение романа доставляет неизъяснимое удовольствие... Но этого недостаточно. Тем не менее здесь не будет ни рецензии, ни литературно-критического разбора. Неблагодарное дело – пересказывать своими словами талантливую прозу, особенно когда автор уже ничего не может возразить. К счастью, есть возможность узнать, что думал об этом сам Олег Куваев.

«Об чем роман? Внешне – это открытие золотоносной провинции, – писал он своему другу и коллеге магаданскому писателю Альберту Мифтахутдинову в ноябре 1973 года. – Но сие – сугубо внешне. С равным успехом можно было писать о каменном угле, участке леса для разработки и т. д. Внутренне же это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодекс порядочности, жестокость, максимализм и божий свет в душе. В принципе каждый уважающий себя геолог относится к своей профессии как к символу веры. Производственных романов много. Отличие моего, что герои его веруют еще и в свой образ жизни как единственно правильный».

Вот в этом и есть секрет непреходящей популярности романа, поэтому его хочется читать и перечитывать. Именно в этом! Не только в экзотике места действия, точности и эмоциональной напряженности авторского языка, убедительности выписанных образов. В смутные времена духовного разлада, когда последовательно и окончательно сошел на нет авторитет церкви и парткомов, он показывает человеческой душе путь к обретению надежной и неизменной опоры в жизни. Объединяющее его героев мировоззрение, чья основная догма формулируется короткой и ясной фразой «главное – твое дело, а все остальное – сопутствующие явления», укрепляет и возвышает их, ничуть не уступая внутренне противоречивым и основательно скомпрометировавшим себя известным идеологическим доктринам. Оно способно мощно противостоять идеям беспардонного стяжательства, развращенного беспутства, «мелкой рациональности».

Культура народа – это не только арифметическая сумма материальных памятников ушедших эпох, не только воспоминания о славных достижениях предков. Это способность сохранить и передать следующим поколениям накопленный опыт, нравственные ориентиры, нажитые знания и умения. Главным инструментом решения этой задачи с древности были книги, тексты. Роман Олега Куваева «Территория», воспевающий нерасторжимое братство людей,

объединенных «святым чувством нужной работы», достойно и навсегда вошел в состав культурного наследия нашего народа «с точностью патрона, досланного в патронник»...

Сергей Колесников

Олег Куваев

Наглядное жизнеописание

ОТ РЕДАКТОРА

Можно подумать, что перевоплощая свой жизненный опыт в литературные произведения, писатель выражает только собственное отношение к действительности, в конечном счете, только самого себя (вспомним хрестоматийное заявление Флобера «мадам Бовари – это я»). В высшей степени это должно относиться к автобиографическим текстам, казалось бы, тут автор уж точно рассказывает только о себе, только о своей жизни. Но это не так. Писатель живет и действует не в вакууме, особенно если о жизни за окном рабочего кабинета узнает не из газет и эфирных трансляций, а сам с головой погружен в ее грубый и сочный поток. Выражая самого себя как продукт своей эпохи, писатель делает ее моментальный снимок. В случае автобиографии снимок этот обретает достоверность репортажа. Поэтому публикуемый очерк с куваевскими фотографиями и фрагментами его текстов позволит читателю не только представить себе личность писателя и ощутить головокружительную притягательность его мира, но и понять дух времени и обстоятельств, в которых он создавал свой роман.

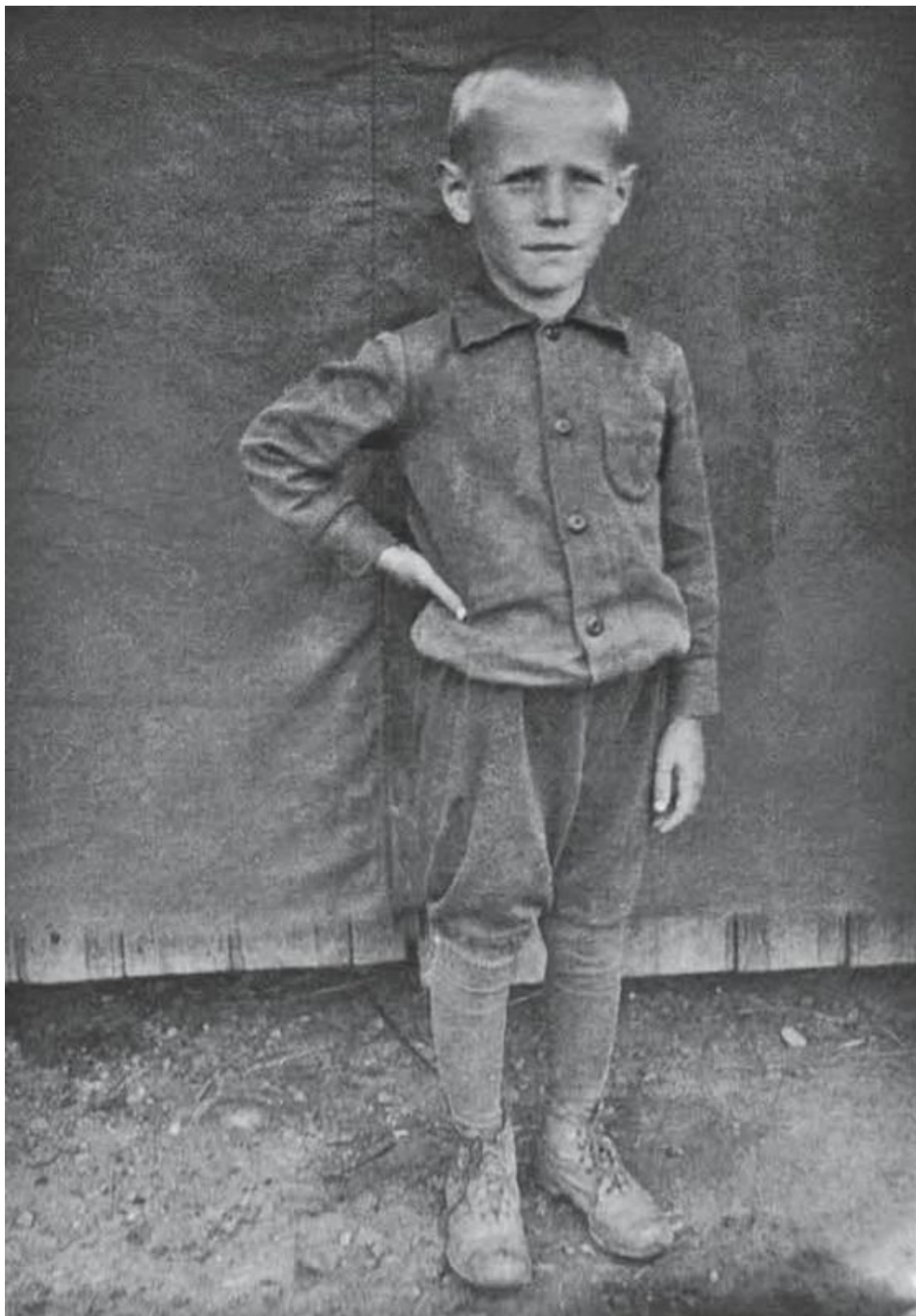
На берегу Ледовитого океана. 1964 г. (фото Б. Жутовского)

*Фотографии из личного архива и фрагменты из произведений и писем Олега Куваева.
Композиция Светланы Гринь*

Олег Куваев. О себе. Автобиографический очерк

Я родился в Костромской области в 1934 году, но считаю себя вятичем, ибо все время вплоть до института жил в Кировской области, вначале в деревне Кузьмёнки, позднее на железнодорожном разъезде Юма. Отец работал дежурным по станции, мать преподавала в соседнем селе. На примере матери я вещественно, если так можно сказать, усвоил понятия «сельская учительница» и «ликбез». Последнее слово сейчас полузабыто, первое употребляется редко. «Ликбез» – это когда мать поздно вечером шла за десять километров в глухую лесную деревню. В качестве оружия, скорее морального, она брала «вилыцы» – так в Кировской области называются маленькие двузубые вилы, которые применяются при вывозке навоза на поля. В наших лесах в те годы была пропасть волков. Зимой волчьи стаи зверели. А «сельская учительница» – это школа в селе, которое также называлось Юма и куда мать ежедневно ходила за четыре километра. Это еще корова, огород, сенокос и прочее. Мы жили в деревне, и кормиться было надо. Летом мать ничем не отличалась от колхозных женщин.

Отец родился в крестьянской семье на Ветлуге, ушел на заработки, был мальчиком в булочной на станции Шарья, потом стал телеграфистом и был им в Первую мировую войну, участвовал в брусилловском прорыве, воевал в Мазурских болотах. В своей армии он первым принял телеграммы об отречении царя и о свержении временного правительства. Они у него хранились, и я их отлично помню, и я же по детской глупости их куда-то «заиграл». Позднее в армии отец стал членом солдатского комитета. До 1937 года он был начальником крупной станции Свеча Северной железной дороги.

Восьмилетний Олег Куваев. *Деревня Кузьмёнки, 1942 г.*

Интересы мои рано замкнулись на двух вещах: книгах и ружье. Ружье я начал выпрашивать лет с семи, но получил его, только когда учился в восьмом классе. До этого я держал нелегально добытую шомполку, к которой капсюль надо было привязывать тряпчочкой, порох

я добывал из железнодорожных петард, а петарды мы с товарищем воровали у путевых обходчиков.

Первую потрясшую меня книгу помню отлично, хотя она была без заглавия и без автора. Это был рассказ о нескольких поморах, застрявших на острове Малый Берун. Северная робинзонада. Да, я великолепно помню эту книгу, ибо перечел ее несколько раз, но по неизвестным мне причинам до сих пор не могу ее отыскать¹.

Уж не знаю, по какому случаю, в пятом классе у меня завелись карманные деньги, и я купил первую свою книгу в районном книжном магазине на станции Свеча: «Путешествия по Южной Африке» Ливингстона. Я бережно ее храню и сейчас. О каком-то предопределении судьбы говорить смешно, но любимыми книгами были и остаются книги о путешествиях. Первым юношеским героем был, разумеется, Николай Михайлович Пржевальский. Я чертовски жалел тогда, что не родился в его время. Красные пустыни Тибета, подошвы верблюдов, стертые на черной гобийской щебенке. Книги Николая Михайловича Пржевальского и его последователей Козлова, Роборовского читал самозабвенно (с таким же увлечением перечитываю их и теперь). В результате где-то к седьмому классу я уже твердо знал, «куда мне жить»; решил стать географом. Но сведущие люди вовремя объяснили, что профессия географа-путешественника давно отмерла или отмирает, и я, не растерявшись, решил стать геологом.

Если б все было сначала, то, разумеется, были бы геологоразведочный институт и Чукотка.

Вот эти два понятия – вуз и местность – помогли мне сформироваться.
Из выступления О. Куваева по Магаданскому радио, июнь 1971 г.

Пришел в институт с яростным честолюбием, верой: вятская фамилия еще будет на карте Союза... Первое – скромно, без шума доказать, что ты можешь все...

Из романа «Территория».

¹ Значительно позднее все же удалось выяснить, что это была повесть Зиновия Давыдова «Беруны» (1933; в 1940-м и 1947-м выходила под названием «Русские робинзоны»). В 1974 году, прочитав куваевский очерк, потомственные геологи, друзья писателя, подарили ему именно то, самое первое, издание этой книги из своей семейной библиотеки. Одна из ее глав так и называется – «Северные робинзоны». – *Ред.*

Студент 2-го курса геофизического факультета Московского Геологоразведочного института им. Серго Орджоникидзе (МГРИ). *Москва. 1953 г.*

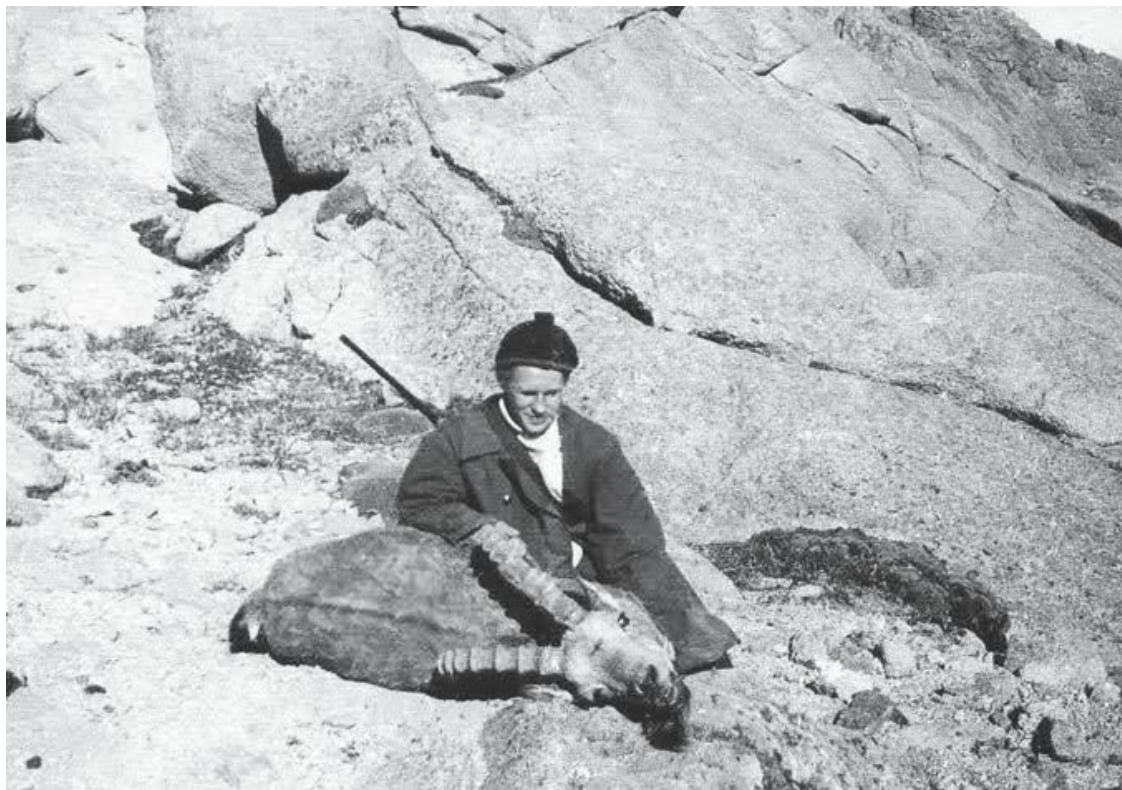
На практике в Киргизии. *Тянь-Шань. 1955 г.* Историческая клетчатая рубашка сшита сестрой Галиной.

Десятилетку я окончил в интернате для детей железнодорожников в городе Котельниче на Вятке. Котельнич – старинный город, но он много раз выгорал, – из старины там разве что остались купеческие лабазы на Советской и сам дух старого уездного города. На правобережье Вятки, на огромных глинистых обрывах, можно было гонять на лыжах вплоть до полной возможности сломать себе шею, на левом берегу был затон для речных судов, где зимой шел ремонт колесных пароходов. Школа была хорошая, с традициями, выход же агрессивным ученическим настроениям мы находили в извечной войне интерната с окраиной Котельнича, отделявшейся от интерната оврагом.

Окончив школу, я отправился в Москву поступать в институт. Ни одного города, кроме Котельнича, я до этого в жизни не видел. Отец настаивал на физико-техническом институте, отчасти справедливо представляя жизнь геолога как неприютную и безалаберную. Кроме того, в школе у меня обнаружили математические способности. Я внял советам отца, подал документы в физико-технический, прошел отбор, а потом с легким сердцем отнес документы в геологоразведочный, куда и был принят на геофизический факультет. В институте у нас сплотился великолепный дружный коллектив ребят. Как ни странно, в этом оказался «повинен» преподаватель физкультуры, тренер по лыжам, чемпион Союза 1940 года. Иван Иванович Николаев. Этот отличный тренер и замечательный педагог как никто умел внушить нам дух товарищества.

Ни о какой литературной деятельности я в ту пору не думал. Готовился стать правоверным геологоразведчиком и, кроме спорта и учебы, ничего не хотел признавать. Правда, «книжные интересы» несколько расширились, я стал собирать книги по Северу, и появился новый кумир – Нансен. Все-таки после третьего курса, когда нам разрешили на лето устраиваться в штат геологических партий, я отправился в «пржевальские» места на Тянь-Шань. Был коллектором в партии, которая работала на Таласском хребте. Вьючные верховые лошади, долины горных рек Аспары и Мерке, перевалы, вершины. Начальник партии нашел для меня наиболее пригодное, по его мнению, амплуа: я снабжал партию дичью, разыскивал пропавших лоша-

дей, водил выючные караваны при перебазировке. Благодаря этому неплохо изучил этот район Тянь-Шаня: то по несколько суток пропадал с киргизами на горных охотах, а однажды вдвоем с проводником мы три недели искали пропавших лошадей, объездили всю Киргизию и нашли лошадей в десяти километрах от базы. Тянь-Шань меня очаровал. Желтые холмы предгорий, равнинная степь, тишина высокогорных ледников. Кроме того, я прямо сжился с лошадьми и, ей-богу, ощутил в себе кровинку монгольского происхождения. Поклялся, что после института вернусь сюда.

На практике в Киргизии. *Тянь-Шань*. 1955 г. Эти рога добытого на одной из тех охот козерога-тэка и теперь висят на стене в комнате-музее писателя в Болшево (ныне г. Королев Московской области).

Трепещите, потомки!

Такую полушутливую, полусерьезную запись сделал тогда в своей полевой книжке 21-летний студент Куваев.

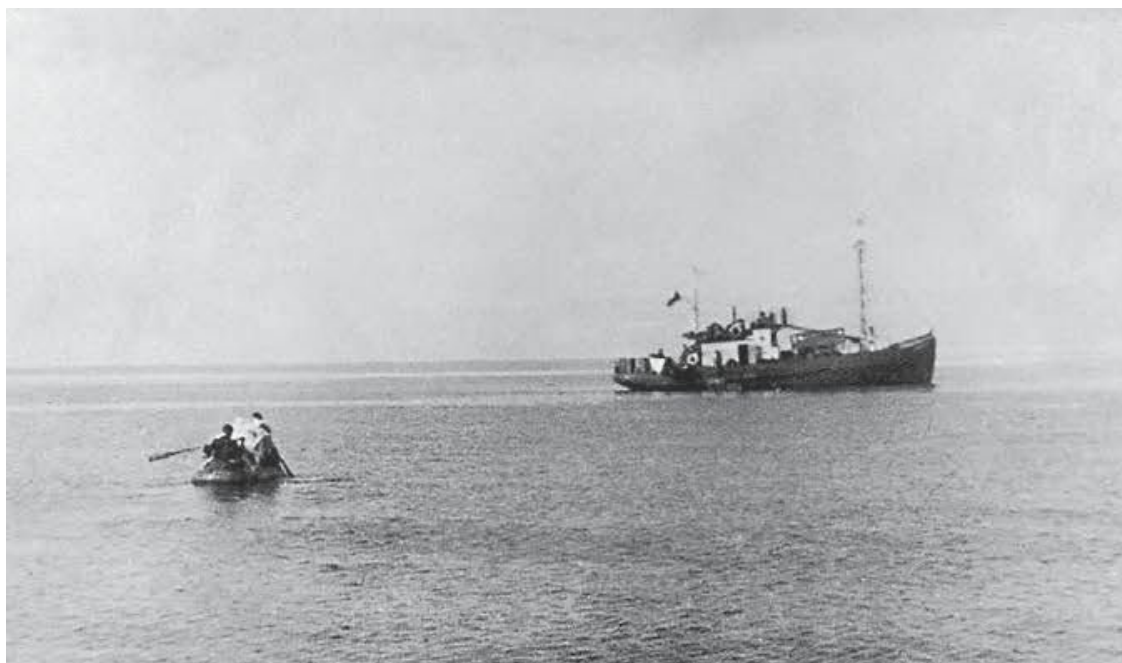
Дипломник МГРИ. 1957 г.

Зимой случилось «событие» – я как-то незаметно написал рассказ «За козерогами». Типичный охотничий и очень слабый рассказ. Но его опубликовали, я не придавал этому никакого значения.

Позднее работал в верховьях Амура. Это был старый золотоносный район, с почти выработанными рудниками, освоенный и заселенный. А в 1957 году поехал на Чукотку, просто хотелось ступить на коричневый угол карты, о котором даже в лекциях по геологии Союза говорилось не очень внятно.

Наша экспедиция базировалась в бухте Провидения, позднее мы рейнским речным пароходиком – остатки репараций, неведь как попавшие на Север, – проплыли в бухту Преображения и оттуда на двух тракторах отправились с работой к заливу Креста. Еще в бухте Преображения я понял, что погиб. Ничего похожего мне видеть не приходилось, как не приходилось

раньше ходить на вельботах за моржами с чукчами, охотиться с резиновых лодок в море. Позднее начались нечеловеческие «десанты», когда все – от спальных мешков и палаток до примусов и керосина – люди несли на себе. Мы разбивали стоянки в молчаливых горных долинах, встречали пастухов, и всюду была тундра, очарование которой, кажется, еще никому не удалось передать. Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства вроде тьянь-шаньских предгорий или чукотской тундры.

Чукотка. 1957 г. На обороте снимка автограф О. Куваева:

Грузимся на катер. Залив Креста. 1957 г.

Преддипломная практика. *Чукотка. 1957 г.* На обороте снимка автограф О. Куваева:

Трактор попал в талик.

Куваев обдумывает свою первую повесть...

Экспедиция окончилась довольно неудачно: погибли оба трактора, нам пришлось пешком выбираться на берег залива Креста, где ждали вельботы, потом в течение двух недель пережидать шторм, питаясь моржатиной. Над заливом каждый вечер повисали ужасные марсианские закаты на полнеба. Все это меня окончательно доконало, и на обратной дороге я залетел в Магадан, договориться о заявке в институт. Я был уже студентом шестого курса и через полгода должен был защищать диплом. В Магадане охотно пошли навстречу, заявка была послана, но чтобы попасть на Чукотку, еще долго пришлось обивать пороги в министерстве: нашу группу готовили к несколько иному профилю.

Но на Чукотку я попал. И в феврале 1958 года оказался в Певеке на берегу Чаунской губы в должности начальника партии. Певек частенько называют чукотским Клондайком.

В чукотской тундре с охотничьими трофеями. 1958–1959 гг.

Олег Куваев (слева) в гостях у чукчей. Чукотка. 1957–1959 гг.

...Я точно знаю, что сердце мое навсегда отдано тем, кто живет на
окраинах государства. Людям с тихим светом в душе.
Из документальной повести «Дом для бродяг».

А ведь мне повезло в жизни – я уже видел и держал в руках розовую
чайку, и мы вместе пили из алюминиевой ложки коньяк на Ятролявеем и

слушали, как плачут на озерах гагары, и наши спины сгибались под тяжестью гусей. Не каждому посчастливилось замирать от ужаса в Восточно-Сибирском море, не каждый чуть не плакал от злости на тридцатом километре кочек. Я благодарен своей работе за это, но теперь надо уже выходить за ее рамки, так как работа – это промышленность, это жесткие рамки, это ненавистная техника, вертолеты и самолеты, это нудное сидение над отчетами...

Из письма О. Куваева старшему другу, геологу А. П. Попову.

Чукотка. 1958 г.

Начальник геологоразведочной партии Олег Куваев (сидит у костра). *Чукотка. 1959 г.* Снимок был послан А. П. Попову, на обороте автограф О. Куваева:

Велик и отважен русский народ. Еще месяц назад эти мальчики не видали ни черта, кроме Владимирской колхозной земли, а сейчас вот уже восьмье сутки прутся пешком вброд через реки и кочки с двухпудовыми рюкзаками. Неизвестно куда ведет их несолидный начальник, и жрать хочется до истерики – а ничего, смеются. Отличные парни. Ведь все-то это за одну тысячу рублей в месяц².

Поселок Певек. *Чукотка. 1958–1959 гг.*

² В те далекие годы на 1000 рублей можно было купить 46 бутылок водки или около 50 кг докторской колбасы. – *Ред. (для молодых читателей).*

Незадолго до моего приезда здесь открыли хорошее промышленное золото, в геологическом управлении и в поселке жизнь была ключом. Но система работы крепко отличалась от системы столичных экспедиций. Тундра здесь не была экзотикой, люди просто жили в ней обычной и привычной жизнью. Материальная база управления была слабой, и всякий начальник партии и сотрудники ее в значительной степени стояли в зависимости от собственной энергии, энтузиазма и... физической выносливости. Я прожил там почти три года, даже научился ездить на собачьих упряжках, все это послужило отличной школой. В управлении царил дух легкого полярного суперменства, что только помогало работе. Работа, собственно, была основным занятием, и просидеть до 12 ночи в управлении не считалось чем-то необычным, особенно когда подходил срок сдачи отчета.

Изобилие впечатлений требовало какого-то выхода, и я вспомнил о своем единственном опубликованном рассказе. Меня перевели к этому времени в Магадан в Центральное геологическое управление Северо-Востока.

...с седьмого класса я отравился мечтой о тех странах, что лежат за горизонтом, кончил институт, и вот, проработав два года, понял, что даже профессия геолога или геофизика не дает полного удовлетворения этой мечте. Сейчас у меня богатейшие возможности для научной работы и карьеры. Можно даже говорить о кандидатской кличке через четыре-пять лет при определенной интенсивности труда. Ну а дальше что?

...Сейчас я пишу интенсивнейшим образом. Я вполне согласен с Вашим тезисом о том, что не важно сразу печататься – важно научиться писать хорошо, так хорошо, чтобы в любом обывателе разбудить дремлющую в нем душу кочевника. Вот что главное...

Из письма А. П. Попову.

Чаунский залив, Чукотка. 1959 г. Автор на переднем плане.
На обороте автограф О. Куваева:

Вот это и есть наша знаменитая шхуна «Золотой петух», которая честно служила мне на море и на реках и дала радость и счастье больше, наверное, чем дает это иной раз даже шибко любимая женщина.

Чукотка. 1961–1962 гг. О. Куваев первый слева.

Чукотка. 1961 г. Снимок был послан сестре Галине, на обороте автограф О. Куваева:

Задавленный природой человек на берегу губы Нольде. А шапка-то на нем папкина.

Остров Врангеля. 1962 г. – автограф О. Куваева на обороте (сам автор на снимке слева).

С чукчей-каюром на острове Айон. 1963 г.

На обороте автограф О. Куваева:

Остров Врангеля. 1963 г. Работа на льду.

К этой новой руководящей должности я, видимо, не был приспособлен – затосковал и неожиданно для самого себя уехал в Москву. «Вокруг света» напечатал в 1962 году несколько моих рассказов. Я пытался как-то взвесить все, что произошло.

В общем-то, это были, пожалуй, стандартные размышления о смысле жизни. В результате я самостоятельно додумался до апробированного поколениями вывода, что главное – это работа, вернее, степень ее интересности. Все остальное – сопутствующие явления. Работа может быть разной, и всякая клановость или кастовость не делает чести уму апологета какой-либо профессиональной замкнутости. Главное – работать с азартом.

К тому времени, когда меня посетили эти благие мысли, в Магадане организовался Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, и меня пригласили туда. Институт был хорошо организован и давал большой простор инициативе. Я руководил группой, которой удалось провести исследования на острове Врангеля. На легких самолетах Ан-2 мы делали съемку по дрейфующим льдам Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Здесь тоже приходилось изворачиваться любыми способами подешевле: собаки вместо вездехода, фанерная лодка вместо катера, байдара и резиновая лодка вместо вертолета. За три года я сдружился с летчиками Полярной авиации, с байдарными капитанами, каюрами.

Занятия литературой становились чем-то вроде второй профессии. Вышла книга, готовилась к печати вторая, и потребность писать забирала все большую власть.

Вероятно, занятия литературой могут увлечь человека даже сугубо научного склада ума, не только врожденных гуманитарщиков. Человек как объект – самое сложное из всего, что выдумано природой, и процесс создания, допустим, рассказа, который заранее рассчитанным образом подействует на читателя, задача неизмеримой сложности и увлекательности. Идеал ее недостижим, и именно отсюда, мне кажется, идут рассуждения о литературе как «проклятом» ремесле, которое невозможно бросить.

Остров Врангеля. 1962–1963 гг. Снимок был послан А. П. Попову, на обороте автограф О. Куваева:

Андрею Петровичу от последнего романтика Севера. Вот это, наверное, и называется счастьем.

Остров Врангеля. *Апрель 1963 г.*

«Я счастлив, что родился в то время, когда полярные путешествия на собаках еще не отжили свой век». К. Расмуссен.

Из записной книжки О. Куваева.

Чукотка. *1962–1963 гг.*

...Люди просят у жизни всякого: кто денег, кто красоты, кто талантов. Пусть же даст мне Фортуна возможность шляться по планете именно так, как я хочу, и умение писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, – и счастливее меня не будет человека. Удивительно и прекрасно каждое место на земле, и люди обязательно должны понять это. Может быть, посмотреть, как мчится по кочкам вспугнутый олень, не менее достойное занятие, чем слушать «Пиковую даму»...

Из письма А. П. Попову.

С Васей Тумлуком. Чукотка. 1963 г.

Радостная была встреча <с ним>. И мы лежали в пологе, и пили чай, высунув голову наружу, и дым резал глаза, и псы лежали и не открывали даже глаз, когда перешагивали через них... Спать на оленьих шкурах, пить черный чай без сахара, есть рыбу, сваренную в нерпичьем жиру, – здорово все это! И голова отдыхает лучше всяких сочинских пляжей.

Из записной книжки О. Куваева.

В калейдоскопе людей, встречающихся на Севере (а контингент их там, видимо, более калейдоскопичен, чем в других местах, ибо сюда приезжают люди с определенным потенциалом энергии), меня всегда интересовали так называемые чудаки. Чудаки в жизни необходимы – это общеизвестно. Это люди, которые руководствуются нестандартными соображениями и, во всяком случае, не житейской целесообразностью поступков. В довольно неприглядной картине непостоянства кадров на Севере подавляющее число убывших составляют люди мелкой рациональности. А чудака поселяется прочно, он надежен в этом смысле. К тому же знакомые призывы к молодежи – «на освоение» – избилуют сплошь и рядом истертыми фразами, которые потеряли способность эмоционального воздействия. Я убежден, что человек очень долго (по крайней мере, до того возраста, до которого мне удалось пока дожить) остается мальчиш-

кой, который запоем читает о приключениях на какой-нибудь Амазонке и склонен к авантюрам в хорошем смысле этого слова.

Омолонская экспедиция. 1970 г.

Сплав по реке Амгуэме. Чукотка. 1963 г.

По полученным сведениям, вода в Амгуэме прет со страшной скоростью. На море стоит лед... плавать на вельботах вряд ли будет возможно. Значит, на 200 километров реки – пятнадцать суток времени...

Хочу сделать остановку в нижнем течении и сходить на озеро Якитики. Оно стоит в пустынных горах, в семидесяти километрах от русла. Уж очень хорошо название – Якитики. В Южной Америке есть озеро Титикака, я как-то еще в школе начитался о нем всякой чепухи. Ну, заменим пока Титикаку озером Якитики. Романтика, леший бы ее побрал! Хорошо все-таки жить на этом свете, когда существуют река Амгуэма, озеро Якитики и лагуна Ионивеемкуэм, куда мы попадем через месячишко... В общем, жизнь прекрасна и удивительна...

Из письма О. Куваева Е. П. Негребецкой – геологу, родственнице А. П. Попова.

И не надо скучнить жизнь, дорогу – мечте и фантазии! Однако и всяческие розовые коллизии, надуманная чепуха – лишь бы попышнее – там, где сам повседневный труд схож с приключением, – такая трактовка «жизни» граничит с беспрецедентностью обдуманной лжи. Я, в частности, говорю о литературе о геологах, ибо весь мой жизненный опыт пока связан именно с геологией. Геология ныне – наука и производство, она все более становится четким промышленным комплексом и дальше будет развиваться именно по этому пути. Надуманные истории про последнюю спичку, трехпудовый рюкзак, закаты и «ахи» над месторождением: «здесь будет город» – звучат чаще всего оскорбительно для геологии. Все случается в силу жесткой необходимости, но это нельзя возводить в ранг сугубо типичного. Вот именно в этом я вижу на ближайшее время свой долг пишущего человека, это долг перед товарищами по профессии, с которыми вместе приходилось работать, радоваться, рисковать и просто жить³.

Олег Куваев

³ Этот автобиографический очерк написан Олегом Куваевым по просьбе Новосибирского книжного издательства для книги «Весенняя охота на гусей» (Новосибирск, 1968). Тогда многое у него было еще впереди – и новые повести и рассказы, и киносценарии, и фильмы, и новые немыслимые странствия... и великая любовь к главной женщине его жизни... и главная книга его жизни – роман «Территория». – *Ред.*

Во время одиночного сплава по Омолону.⁴ Чукотка. 1970 г.

Когда-то давно, в период полного душевного разлада и физического тоже, я навязчиво думал: «Ты, Олег, уже – все». Тогда собрал я в себе

⁴ В августе 1970 года Олег Куваев в одиночку прошел на лодке около 700 километров по реке Омолон, притоку Колымы, и написал об этом путешествии повесть «Дом для бродяг». В 1971 году Олег Куваев предложил издательству «Современник» выпустить под названием «Дом для бродяг» сборник своих произведений, объединенных идеей извечного стремления человека к странствиям. Издательство предложило автору поменять название титульной повести и всей книги на «Дом для счастливых». Автор отказался. Сборник вышел без нее и без вышеупомянутого предисловия под названием «Тройной полярный сюжет» только в 1973 году. Этому сборнику суждено было стать последней прижизненной книгой писателя Куваева. – *Ред.*

последний кисель и сплавился в одиночку по Омолону на долбленке... Через 400 километров сего сплава я пришел к выводу: «Ты, Олег, еще ничего». Много что пришло в голову во время этого одинокого плавания, которое местные жители считали невозможным.

Из письма читательнице, ноябрь 1974 г.

Дом стоит на берегу большой таежной реки, отмеченной на большинстве карт Союза. Река эта впадает в реку, которая уже отмечена на всех картах мира. А большая река самостоятельно впадает в Восточно-Сибирское море... Полярный круг проходит где-то рядом. Точного адреса я не называю, так как это дом для бродяг, а бродяги должны находить дома сами.

Из документальной повести «Дом для бродяг».

Есть, черт возьми, вечные категории. К этим вечным категориям я без колебания отношу склонность человека к странствиям. Не будем бояться слова «бродяга»... Странствия обогащают душу, лечат ее, если она больна...

Из предисловия к так и не вышедшему сборнику «Дом для бродяг» издательства «Современник», 1971 г.

Во время сплава по реке Олой. Чукотка. 1971 г. (фото И. Шабарина)

Из разрозненных мелочей возникает неуловимый аромат прошедших времен. Именно он помнится всегда ясно и точно.

Из рассказа «Через триста лет после радуги».

Кем бы ты ни был, чем бы ты ни занимался, допустим, шофер ты, шурфовщик или литератор, в своей профессии все-таки необходимо стремиться к высокому уровню настоящего профессионализма. Иначе нельзя. *Из выступления О. Куваева по Магаданскому радио, июнь 1971 г.*

С А. П. Поповым. *Полесье*. 1974 г. (фото С. Гринь)

Был высший смысл, был «момент истины»... и в каких бы неожиданных сочетаниях ни шло коловращение лиц и имен, где-то среди этих лиц попадутся бывшие или теперешние самолюбивые мальчики, которым снятся гибельные выси и которым суждено стать знаменитыми. За Полярным кругом работают другие двадцатилетние, а те, с кем молились единым богам, сейчас уже обрастают учеными степенями и должностями... я верил, что должности, звания и комфорт не погасят в нас священный огонь, горевший во времена,

когда мир казался нам сосредоточенным за Полярным кругом или там, где рискуют.

Из рассказа «Устремляясь в гибельные выси».

Со Светланой Гринь. Переславль-Залесский, 1974 г. (фото А. Чайко)

Я люблю тебя, Света. Более того, суеверно думаю, что нас бог друг для друга предназначил.

Из письма Олега Куваева Светлане Гринь.

...каждый думал о силе, которая заставляет их рисковать, тревожиться, лезть на рожон, хотя все можно спокойно, уютно, уважаемо... Силой этой называется работа... Я хочу в миг перед смертью знать, что выполнил все, к чему был предназначен.

Из романа «Территория».

Одна моя ночная и вечная подсознательная мечта: успеть. Два романа: «Правила бегства» и «Последний охотник»... А часы бьют, и Рука судьбы давит в затылок...

Из письма другу, журналисту и фотографу Б. Ильинскому.

Чукотка. 1962 г.

Человек уходит, а следы его остаются...⁵
Из записной книжки Олега Куваева.

⁵ Не только следы – фамилия геолога и писателя Олега Куваева тоже осталась навсегда на географической карте страны. И разумеется, именно на любимой им Чукотке. Постановлением Правительства Российской Федерации № 163 от 28 марта 2005 г. безымянной горной вершине Чукотского нагорья с координатами 69° 40,3' северной широты, 172° 07,7' восточной долготы и абсолютной высотой 1101 метр присвоено наименование «гора Куваева». – *Ред.*

Территория Роман

Всестороннее описание предмета

«...Золото – прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света? Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...»

Христофор Колумб. Письмо королю Фердинанду

«В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны, как трава на песке».

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней»

«...В один из этих дней случилось так, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона⁶, увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляют золото, и обсудить планы сооружения колодцев на безводной дороге, ибо он

⁶ Электрон (греч.) – сплав золота с серебром.

слышал, что в земле Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды».

Надпись на Кубанском камне, 1282 год до н. э.

«...Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Элофе... в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, вместе с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир и взяли оттуда золота чetyреста двадцать талантов⁷ и привезли царю Соломону...»

Третья книга Царств, гл. 9, стих. 26–28

Офир искали в Аравии, Индии, Африке, на Цейлоне и в Южной Америке.

Примечание автора

Поводом и целью похода аргонавтов также служило золото.

Второе примечание автора

«Я царствую... Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!»

А. Пушкин «Скупой рыцарь»

«Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.
Спрячь золото верней:
Не здесь, а под семью замками,
Не здесь, а дальше, где-то там,
Зарой поглубже в мусор, в хлам,
Под хворост, за дровами...
Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать?»

Э. Верхарн «Золото»

«Металл он и есть металл. Но этот – глупый металл. Из железа паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия самолет, из меди провод. А из этого сплошная судимость».

Безвестный шурфовщик

⁷ Талант (греч.) – мера веса в древнем мире.

«...только что поделенное богатство – пустяки по сравнению с теми, которые нас ожидают. Ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски – все это наше и все мы станем богачами...»
Бернал Диаз «Записки солдата»

«...Да будем золоти, яко золото се...»
Древняя славянская клятва

«Все бросали свои обычные занятия и шли за золотом. Чиновники правительства, волонтеры, пришедшие для завоевания Калифорнии, бросали свои места. Офицеры, ожидавшие заключения мира с Мексикой, оставались одни, без прислуги, и губернатор Монтерея, полковник волонтеров Меси, в свою очередь, исполнял обязанности артельного повара. Купеческие суда, пришедшие в порт Сан-Франциско, были оставляемы командой... Строгая дисциплина военных судов не в силах была удержать матросов от бегства. Только что родившиеся поселения опустели и посевы хлеба, поднявшиеся в этот год замечательно хорошо, гибли по недостатку рук...»
Описание калифорнийской «золотой лихорадки», сделанное горным инженером Дорошиным. Отчет о командировке в Калифорнию, «Горный журнал», 1850 г.

Примечания к маршруту

Чтобы попасть на Территорию, вы должны сесть в самолет. Правда, летом вы можете добраться сюда и на пароходе – месячное плавание среди льда и тумана, когда кажется, что мир исчез и существуют лишь железная палуба, перекличка сирен каравана и ваша каюта. Через несколько дней именно в каюте вы и будете проводить почти все свое время, ибо вам быстро осточертеют блеклая полярная вода, низкое небо и слово «навигация», которое произносится тысячу раз на дню. «В этом году навигация в отличие от прошлого года...» В мыслях своих вы привыкли к тому, что название Территории, даже само решение попасть туда, служит гарантией приключений. Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма – олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности.

Однако пароходом на Территорию сейчас не плавают уже никто, кроме представителей творческого труда, которые мечтают познакомиться со «всем Севером» в короткое время.

Вы полетите туда самолетом. Лет двадцать назад это тоже было незаурядным дорожным подвигом. Но сейчас вы долетите без приключений. Когда же вам надоест почти сутки сидеть в самолетном кресле и продувать себе уши после посадок на забытых богом аэродромах, вы встретитесь с первой неожиданностью. Рейс ваш окончится не на той планете, с которой начался. Вас ожидают прохладный и влажный воздух, черный и желтый пейзаж, если вы прилетели летом, и некая суровая снежная обнаженность, которую трудно передать словами, если вас затащило туда зимой. Нет тут берез, кленов, ясеней, сосен, лиственниц. Есть сопки и тундра, чудовищно, даже как-то клинически голые, и в вас поселится легкий страх, особенно если вы выросли среди мягких пейзажей европейской России.

Вскоре вы заметите, что люди здесь также отличаются от тех, что остались в семнадцати летних часах. Если вы прилетели на неделю, на месяц или даже несколько месяцев, вы так и не поймете, чем они отличаются. Но они все-таки отличаются, то ли раздражающим снисхождением к вам, залетному и временному, то ли странной привычкой сидеть не на диванах и стульях, а на корточках у стены, то ли небрежением к деньгам, то ли отсутствием любопытства к свежим анекдотам и сплетням «из сфер». Не исключено: вы с тайным злорадством подумаете, что эпоха сверхзвуковой реактивной авиации и блочных домов скоро все и везде уравнивает.

Если вы прилетели в Поселок, главный центр на севере Территории, у вас есть основания так думать. Те же блочные дома, как в Кузьминках, те же МАЗы, «Колхиды», «Татры», УАЗы гудят на дорогах, а ветер гоняет индустриальную пыль и обрывки газет. По улицам не бродят олени или ездовые собаки, на углах не торгуют пыжиком, люди одеты в те же пальто, плащи, туфли, что в Ленинграде. В квартирах крутят те же пленки на тех же магнитофонах, и на книжных полках стоят те же книги, что в вашей квартире. Но если душа ваша не очерствела от частых перемещений по государству или, наоборот, не поблекла от жизни в одном месте, вы постоянно будете чувствовать, что нечто главное идет мимо вас, и оно не умещается ни в рассказы старожилов, ни в кадры слайдов, ни в записные книжки. Возможно, это главное заключается в узкой полоске ослепительно лимонного цвета, которая отделяет хмурое небо от горизонта в закатный час. У вас вдруг сожмет сердце, и вы подумаете без всякой причины, что до сих пор жили не так, как надо. Шли на компромиссы, когда надо было проявить твердость характера, в погоне за мелкими удобствами теряли главную цель, и вдруг вы завтра умрете, а после вас и не останется ничего. Ибо служебное положение, оклад, квартира в удобном районе, мебель, цветной телевизор, круг приятных знакомых, возможность ежегодно бывать на курорте, даже машина и гараж рядом с домом – все это исчезнет для вас и не останется никому

либо останется на короткое время. Во всяком случае, бессмертная душа ваша, неповторимое и единственное ваше бытие тут ни при чем. Что-то вы упустили.

Можно суеверно считать, что подобные мысли рождены пространствами, составляющими Территорию.

До настоящей «полярной болезни», или как там это называется, вам еще далеко. Просто вы начинаете чувствовать настроение, дух Территории. Позади вас гремит и перекликается Поселок, над головой с мерным рокотом прошел оранжевый самолет полярной авиации. Он идет в Город – центр обширной области, куда входит и Территория. Но вы видите только закатную полосу над хмурым морем. Над перевалом, красным от того же заката, клубится красное облачко пыли, и в нем исчез грузовик, идущий на дальний прииск с каменным углем в мешках, или с синтетическим барахлом в контейнере, или с яйцами в деревянных бочонках, или с разлапистым металлическим агрегатом на автоприцепе. В кабине того грузовика рядом с шофером сидит, наверное, командировочный, вроде вас, человек, смотрит на ленту дороги, пересекающую тундру и сопки, и сочиняет предварительный мемуар на тему «Когда недавно я летал в Арктику». Но постепенно рев двигателя, ползущие навстречу черно-белые сопки, редкие машины, подобные усталым бродягам на бесплодной, изорванной ветром равнине – все это, именуемое «трасса», завораживает командировочного человека, и найденные час или два тому назад слова мемуара предстают бессмысленными, глупыми и хвастливыми. В них есть личность рассказчика, слово «я», но нет Территории. И вообще все это не так, не так, все иначе...

Двадцать лет назад через этот перевал так же пылили грузовики, идущие на касситеритовый прииск, выстроенный во время войны. И через этот же перевал уходили тракторные сани, груженные взрывчаткой, брезентом, мехом, железом, детонаторами в плоских ящиках, соляркой, бензином и многим другим. А поверх всего на санях сидел разный народ и смотрел в бледное небо или на Поселок, который, конечно, был совершенно иным, но был. А теперь задайте себе вопрос: почему вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер? Может быть, именно это поможет ответить на недовольство, которым мучаем мы сами себя во время бессонницы в серый предутренний час, когда светлеют окна и гаснут звезды.

І. Лето

1

В тот год на Территорию пришло необычное лето. Весна стояла затяжная, холодная даже для семидесятых широт и больше походила на осень. Весь май шел снег, дули малосильные и потому особо тоскливые пурги. В июне свалилась невиданная жара – тридцать градусов. Комары расплодились в неделю и стали до смерти заедать оленят в безветренных тундровых урочищах и сидящих на привязи ездовых собак в прибрежных поселках. Собак, вопреки правилам, пришлось отпустить. Они сразу ринулись в тундру уничтожать птичьи гнезда и разгонять все живое.

Вслед за жарой пришли тундровые пожары. Горели на больших пространствах ягель, трава и торф. Дым застилал горизонт и окрашивал окрестность в сиреневые и фиолетовые тона. Оранжевое солнце безостановочно кружило по небу. Не было никому спасения от круглосуточного света полярного дня, запаха дыма и чувства беспричинной тревоги.

В конце июня лед оторвало от побережья. Почти сразу его вынесло и из морской губы, за восточный берег которой уцепился Поселок. Губа лежала гладкая, отражала в себе солнце и скалы.

Навигация в это лето началась почти на месяц раньше обычного. Дым старого ледокола, приведшего караван, смешивался с дымом горящей тундры. Силуэты судов на рейде зыбко дрожали и размывались в разноцветные миражи.

– Импрессион! Впечатление! – так сформулировал свое мнение образованный малый в стоптанных до стельки туфлях и телогрейке, накинутой на голое тело.

– В Гренландии растают ледники. Уровень Мирового океана поднимется. Все затопит, кроме высокого плоскогорья Тибет. Далай-лама хохочет, – поддержал его стоявший рядом собрат. Они сплюнули в Северный Ледовитый океан и направились в порт зарабатывать на продолжение жизни.

Портальные краны вычерпывали из трюмов груз, который затем вереницы машин везли к обтянутому колючей проволокой приземистым складам «Северстроя».

От тяжелого бега машин на улицах Поселка висела черная пыль, в окнах домов дребезжали стекла. Для тех, кто здесь жил, казалось, что к ним пришло буйное многолюдство, какой-то праздник: морячки в импортных плащиках, уверенные в себе летчики ледовой разведки, щеголеватые полярники из штаба проводки судов, грузчики, суперполярно одетые журналисты с мандатами – вся эта публика, что появляется вместе с судами и с ними же исчезает. Так называемый генеральный груз был уже на складах, грузы второй очереди на подходе к кранам, а суда с разного рода излишествами в виде эстрадных пластинок и дорогих коньяков уже ждали очереди на рейде. Такого никогда не бывало, как никогда не бывало, чтобы в середине июля, в самое жесткое время «сухого закона», в магазинах было пестро от винных наклеек. Старожилы, приученные к осторожности климатом и суровыми порядками «Северстроя», говорили, что надо ждать бед, потому что «если Территория начинает походить на Африку, то...». Они веровали, что все под луной сбалансировано неподкупным бухгалтером и неприятности обязательно уравнивают удачи. Пока шла удача.

...Здание геологического управления виднелось с любого конца Поселка. Оранжевое солнце круглые сутки отражалось в окнах второго этажа. Вечерами казалось, что охваченное пламенем управление плывет по крышам окружавших его бараков. У входа лежал огромный, как колпак бетонного дота, череп быка-примигениуса. От входа начинался тамбур, заставлен-

ный железными бочками для воды (зимой и летом пресную воду в Поселок завозили в цистернах). За тамбуром – обитая войлоком дверь, и уж за ней сидел вооруженный охранник.

Длинные коридоры управления были пусты. Двери большинства кабинетов опечатаны. Масляная краска на стенах обшарпана спинами. Пахло пылью, сапогами, полушубками и хлоркой.

Кроме вахтера в управлении в этот летний день находилось четверо. В угловой комнате первого этажа с надписью «В радиорубку! Категорически!» сидел управленческий радист Гаврюков, рыжий, как осень, человек электроники и ключа из бывших флотских радистов.

На втором этаже были главный инженер управления Чинков Илья Николаевич по прозвищу Будда, его секретарша Лидия Макаровна и прораб-промывальщик Куценко по прозвищу Скарабей. (В «Северстрое» все, от работяг до генералов, имели прозвища – такая традиция.)

Лидия Макаровна сидела перед зачехленной машинкой, смотрела в стену и курила. В пепельнице неряшливой горкой дыбились до мундштука папиросы «Норд». Привычкой палить папиросы до «фабрики», одеждой (не то жакет, не то китель из темного шевита), собранной кое-как прической и неласковым взглядом Лидия Макаровна напоминала заматанных вдов военного времени.

В кабинете напротив, захламленном, как при срочной эвакуации, Куценко поднимал с пола мятые листки, вырванные из журнала «Огонек» (когда-то в них были завернуты образцы), разглаживал, читал и складывал в стопку. Куценко был широк корпусом, со стриженным затылком, жестким чубом и действительно напоминал жука в брезентухе и сапогах. На Реке он имел репутацию виртуоза в работе с лотком, числился прорабом по штатному расписанию и адъютантом Чинкова по сути.

Сам же Чинков в своем большом и пустом кабинете сидел в странном кресле из черного дуба с уходящей под потолок спинкой и медными квадратными бляшечками орнамента. Зеленого сукна стол перед ним был чрезвычайно чист: ни карандаша, ни бумажки, ни даже пылинки. Те из геологов, которые успели до отъезда в тундру познакомиться с главным инженером, отметили странную эту привычку: сидеть в кресле перед пустым столом. Взгляд тяжело опущен, поза разбухшего идола, темный костюм, темная рубашка, черный галстук и лицо тоже темное, чугунного цвета.

Где-то за управлением с натужным ревом прополз трайлер, стекла завывли, над крышей соседнего барака ветер взметнул струю фиолетовой пыли. Чинков встал и с неожиданной живостью пересек кабинет. Лидия Макаровна не повернула головы, лишь пыхнула раз-другой папироской. Чинков с порога сказал:

– Прошу записать приказ. Сегодняшнего числа предписывается главному инженеру Чинкову И. Н. выйти на базу Восточной поисковой партии. Срок командировки семь дней. Сопровождающий Куценко К. А. Подпись: главный инженер Чинков.

– И. о. главного геолога, и. о. начальника управления, господь бог един в трех лицах, – не пошевелившись, сказала Лидия Макаровна.

– Что-нибудь случилось? – Голос у Чинкова был глухой и тихий, как это часто бывает у крупных людей.

– Гармыдр, – кратко пояснила Лидия Макаровна.

– В чем заключается... это явление?

– Зашла в общежитие для ИТР. Мальчики два месяца в тундре, а лед по углам до сих пор не растаял.

– Это забота начальника управления Фурдецкого, – сухо сказал Чинков.

– Придет осень, вернутся мальчики, выберу я себя в местком. И объявлю я вам, падишахам, войну на взаимное уничтожение. Великие планы! Пр-р-оекты! Банкеты и лауреаты. А выбрать мальчикам сухой барак некому. – Лидия Макаровна взяла новую папиросу.

Чинков промолчал, глядя на дверь приемной. Дверь медленно открылась. Просунулась голова Куценко.

– Сегодня выходим. Машина подбросит до прииска. Пересмотрите груз, приготовьте мне одежду и выбросьте все лишнее. От прииска пойдем поисковым маршрутом, – сказал Чинков.

– Старожилы пугают: снег должен быть. Если в июне палит, то в июле обязательно падает снег, – осторожно ответил Куценко и зашел в приемную.

– Как-нибудь перетерпим, – отвлеченно пробормотал Чинков.

– Обрадуются вам там. Нагрянете вместе со снегом. Палатки драные, из мешков шерсть горстями лезет. Сапоги в утиль не возьмут. И тут еще вы: «Считаю, что выполненные работы полезны, но можете сделать гораздо больше», – Лидия Макаровна очень похоже передразнила главного инженера.

– Именно так, – серьезно сказал Чинков. – Прежде всего работа, потом сапоги. Прошу оставить ненужные разговоры.

– А не будь мальчиков, вас, падишахов, дворниками никто не возьмет, потому что...

Раздался сиплый рев парохода. Какое-то судно спешило уйти по чистой воде и прощалось с Поселком.

– Пароходы и то сбегает. О, господи! – закончила Лидия Макаровна. – Думала, старая дура, что удивляться уж разучилась, а...

В этот момент и возник радист Гаврюков. «Главного инженера товарища Чинкова требует Город на срочную связь», – соблюдая субординацию, сообщил он Лидии Макаровне, хотя сам Чинков стоял тут же.

Когда Чинков вернулся из радиорубки, на столе у Лидии Макаровны было прибрано, табачный дым выветрился, окурки из пепельницы вытряхнуты, в машинку вставлен свежий лист.

Чинков задумчиво постоял в кабинете и продиктовал:

– В изменение предыдущего приказа главный инженер Чинков сегодня отправляется в Город на совещание главных инженеров.

Лидия Макаровна быстро отстукала текст.

– Прошу машину. Узнать о самолетах. Если Фурдецкий задержится, прошу присмотреть.

– За чем именно?

– Вообще.

– Все будет в порядке, – со вздохом сказала Лидия Макаровна.

Чинков молча прошел к себе, уселся в феодальное кресло и принял любимую позу: руки на подлокотниках, голова набычена, взгляд в поверхность стола. Он сидел так долго, пока не вошла Лидия Макаровна.

– Повезло. Через два часа будет рейсовый борт. Машина внизу.

Чинков неторопливо выдвинул ящик стола, вынул дерматиновую облезлую папку черного цвета. Это была знаменитая на весь «Северстрой» «черная папка Чинкова», в которую ни один ловчила еще не сумел заглянуть.

– Я готов, – детским голосом сказал он.

...Среди множества фотографий, оставленных человечеством, есть такая: группа молодых людей в унтах, собачьего меха куртках, длинноухих якутских шапках стоят на фоне бревенчатого барака, окруженного редкими лиственницами. На бараке виден лозунг «Привет совещанию горняков «Северного строительства». У молодых людей на фотографии гладкие волевые лица, светлые глаза, и во всем их облике видна уверенность, которая неизменно вырабатывалась в те годы на Реке у всех, кто уцелел, не сломался. Впрочем, на земле «Северстроя» слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным.

Один из них погиб, один стал академиком, остальные просто вошли в легенду. Эта легенда закреплена в изданных книгах, газетных статьях, фольклоре и, если всего этого мало, во многих десятках тонн золота.

Третьим слева на ней стоял Илья Николаевич Чинков, уже тогда имевший прозвище Будда. Молодым инженером он по собственному желанию попал на Реку. К здешней инопланетной жизни Чинков пришелся с точностью патрона, досланного в патронник. Здесь ценили крупных людей. Еще студентом Илья Николаевич был настолько солиден, что иной доцент выглядел рядом с ним мальчишкой. В «Северстрое» не терпели «балаболок» и выше всего ценили исполнение приказа. Чинков был всегда молчалив и вламывался в работу, как танк в березки. Никто не удивился, что через два года он стал начальником крупной разведочной партии на притоке Реки. К тому времени и относится фотография.

Он круто пошел бы в гору, как разведчик уже найденных золотых россыпей, но еще через год перевелся на новые земли, которые изучало геологическое управление «Северного строительства». Это было в среднем течении Реки. Именно здесь Чинков создал основы грядущей легенды, где беспощадность к себе и другим была помножена на удачу. Его экспедиция открыла одну из золотых россыпей края. Самую северную золотую россыпь Реки. Он получил орден, Государственную премию и окончательное признание.

Чинков же подал руководству «Северстроя» рапорт. Он просил перевести его в заштатное геологическое управление на берегу Ледовитого океана. Человек с твердой репутацией удачливого «золотаря» просился в оловоносную провинцию. Управление Поселка, куда он переходил, было знаменито одним: геологи его считались старообрядцами геологии. Ноги – средство передвижения, геологический молоток – инструмент познания, все остальное от лукавого.

О причинах рапорта Чинкова в Городе много гадали. Одни решили, что Будда стремился в захолустье, чтобы написать диссертацию. В «Северстрое» не одобряли диссертаций. Другие высказали догадку, что он намеревался проверить свою фантастическую удачливость на олове. Считали и так, что Будда возжаждал неограниченной власти, которую за дальностью расстояния (все-таки пять летних часов) мало чем мог ограничить Город. Но не нашлось никого, кто спросил бы его о причинах. Внешность Чинкова, чугунное лицо его не располагали к рассказам.

...Каждый раз, прилетая в Город, Чинков останавливался в одном и том же номере гостиницы. Коллеги его останавливались у знакомых друзей по давним походам, совместной работе или в их пустых квартирах, если те уезжали в отпуск. На худой конец останавливались в номерах люкс, приличествующих их положению. Чинков друзей не имел, и его постоянный номер был очень скромным: умывальник, койка, письменный стол, окно.

Он подождал в гостинице час, пока из «его» номера кого-то переселяли. В номере он привычно глянул в окно на сопки, плешивые после вырубок. Затем вынул из портфеля свою черную папку и не спеша вышел на улицу. В управление он все равно опоздал и ждал перекура. Напротив гостиницы шумел асфальтовый пятачок. На одном углу пятачка стояло здание круглосуточного телеграфа, на другом – автостанция. Чинков не спеша прошел вверх, где Город взбегал на гору, а затем обрывался к самому морю. Город выглядел очень современным, культурным, потому что он был махом воздвигнут в эпоху архитектурных излишеств. Единый стиль башенок, колонн и выступов придавал ему законченный вид.

Здание геологического управления, выстроенное из серого массивного камня, было самым крупным в Городе. Напротив находился сквер с тоненькими березками, посаженными в субботник два года назад. Чинков окинул все это привычным взглядом и открыл высокую дубовую дверь управления.

Оказалось, что совещание еще не начиналось, потому что главный инженер управления Робыкин задержался в политотделе. Корифеи золотой промышленности чесали языки в коридоре – мужчины с изрезанными морщинами лицами, сверхчеловеки. Каждый нес за плечами груз легендарных лет. Каждый пришел на берег бухты, где сейчас Город, юнцом или ни черта не знающим, кроме веры в свою звезду, молодым специалистом, или вольным старателем, которому стало тесно в изученных районах. Спины их по сей день были прямыми, и каждый, если даже позади числилось два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из этих мужиков прошел жестокую школу естественного отбора. Они гоняли собачьи упряжки во времена романтического освоения Реки, погибали от голода и тонули. Но не погибли и не потонули. Глушили спирт ящиками во времена славы, но не спились. Месяцами жили на допинге, когда золота требовала война, и не свихнулись.

Чинков вошел в коридор как равный к равным. Походка его изменилась. Он легко нес тяжелое тело, держал папку за угол кончиками пальцев – весь независимость, доброжелательность и легкая настороженность. Друг друга корифеи приветствовали с шумом и манерами беспризорников, но никто не устремился навстречу Чинкову. Лишь кивки, «о-о, привет» и еще заинтересованные косые взгляды. Чинков был самым молодым среди прославленных и седых, ворвался, раздвинул ряды. Даже преждевременная полнота отделяла его от них. Они сухопарые аристократы-основатели, он плебей, выскочка, продолжатель. И так далее. И Будда, темнолицый, улыбочивый и тяжелый, встал в стороне, прочно заняв кусок продымленного пространства. «Плевать, я сам по себе, я сам себе корифей».

Наконец появился Робыкин. Он шел в окружении приближенных и походил на стремительно летящий бильярдный шар – низенький, коротконогий, круглый, с какой стороны ни глянь, сверкающий бритой головой и улыбкой. Робыкин на ходу здоровался с корифеями, но мимо Чинкова прошел, не заметив. Они почти в одно время попали на Реку, оба горные инженеры. Робыкин выбрал себе администрацию, Чинков – поиски и разведку золота. Соперничество вначале было шутивым. Но позднее Чинков перебежал дорогу Робыкину, занял административный пост начальника экспедиции, куда вначале назначался Робыкин. Открыл россыпь и получил лауреата. Звезда Робыкина всходила с опозданием, но круто. Полгода назад он стал главным инженером центрального геологического управления «Северстроя», и ходил слух, что станет начальником.

Корифеи расселись в его кабинете и задымили, хотя Робыкин специальным приказом по управлению запретил курить в рабочих помещениях. Но корифеям он не мог ничего запретить, потому что от них зависела его сила и власть. Такова была одна из странностей «Северстроя» – никто из прославивших его людей, тех, кто открыл золотые россыпи Реки, основал Город, не назначался в высшее руководство. Возможно, в этом были повинны нрав корифеев, прямота применяемых ими методов, возможно, «Северстрой» требовал от руководителя специальных талантов и знаний. Корифеи правили на местах, в глубинных поселках. Но, объединившись, они могли свергнуть любого, как преторианская гвардия.

Чинков уселся в задних рядах. Вокруг были незнакомые лица. «Быстро меняются на Реке кадры», – подумал он. Но его-то заднескамеечники знали. Он чувствовал это по взглядам.

Робыкин звучным руководящим голосом (когда только успел научиться!) сказал про заботу государства о геологах и об их ответственности. Дежурная часть речи шла под шум разговоров, чирканье спичек.

– Черт вас возьми! – неожиданно изменил тон Робыкин. – Бодягин! Не лапай соседа, это тебе не коллекторша. Василий Феофанч! Заткнись.

«Ай молодец, Котя, – подумал Чинков о Робыкине. – Неужели я мало его ценил? Это опасно...»

– За последние три года добыча золота на Реке резко упала, – сказал Робыкин. – Это всем вам известно. Новых месторождений не открыто, прирост золотых запасов незначителен. Если будет так продолжаться, полетит моя голова, но и вас всех ждет унылая почетная пенсия...

Корифеи разом притихли. А Робыкин заговорил о том, что знает каждый студент. Всякое месторождение имеет конечную тенденцию к истощению. Так угасли некоторые золотые месторождения страны.

– Давай про Реку, Котя! – рявкнул кто-то из корифеев. И снова мертвая тишина.

– С Рекой аналогичный случай, как говорят в анекдотах, – громко ответил Робыкин. – Многие, наверху и здесь, считают, что она уже кончилась. Снимали сливки в первые годы «Северного строительства». Ураганная добыча во время войны. Многие россыпи загублены некачественной промывкой. Нужны новые россыпи. Или нас просто выгонят и поставят более умных и полезных для государства.

– Не пугай, Котя! Всю жизнь пугали, – сказал тот же голос. – Пока мы живы, валюта для государства будет.

Робыкин взмахнул короткими руками, стал веселый, улыбчивый.

– Вопрос: кого пугать? Ответ: самих же себя. Мы все связаны с Рекой намертво. И выход вы знаете сами: глубокая разведка, глубокие поиски. Все, что валяется сверху, мы взяли. Теперь надо идти дальше и глубже. Для этого нужны деньги. Очень большие. Есть план сократить все расходы, кроме расходов на золото. Например, Территория. Содержание управления на Территории стоит бешеных средств. Гоним туда корабли через половину земного шара. Мы добываем там олово. Мы ищем там олово. Так требовалось в годы войны. Сейчас олово не проблема. И мы туда картошку и лук везем самолетами. Зачем нам олово Территории?

– На всякий случай, – сказал кто-то.

– На всякий случай нам нужно золото. Есть предложение прикрыть геологическое управление Поселка. Оставить там минимальный штат, пусть занимается съемкой... Когда мы докажем правительству, что капиталовложения в Реку оправданны, мы откроем его снова. Это называется концентрация средств.

Все оглядывались на Чинкова. Тот сидел, опустив голову, ряды сидящих сместились и образовали просвет. С одной стороны Робыкин, сверкающий бритым черепом, за поднятым на возвышении столом, с другой – Чинков, со склоненной головой у стенки. Минута была настолько неловкая, что хрипатый и прямой, как нож, корифеевский голос сказал:

– В Поселке лишь одно из семи управлений. Прикрыть его можно. Но где остальные деньги? На Чинкова мне наплевать. Дай мне три миллиона, Робыкин, я тебе Клондайк принесу.

– В руководстве есть план, – сказал Робыкин, – и задача настоящего совещания...

Дальше Чинков не слушал. Ему вспомнился запах кедрового стланика. Дым забытых костров, палатки давних ночевок пришли к нему. «Нужны деньги, чтобы добыть деньги, нужны деньги, чтобы добыть деньги», – крутилась в голове глупая мысль. Давило сердце. Чинков украдкой отвинтил в кармане трубочку валидола, исподлбья оглядевшись, выбрал момент, сунул ее под язык. В «Северстрое» было принято щеголять валидолом, некоторые спирт им закусывали. Но Чинков скрывал недуги. Ему требовалось выглядеть вечным. Ах, товарищ Робыкин, мерзавец Котя. Выбрал момент для сведения счетов. Корифеи видят только одну цель.

Объявили перекур. Мамонты золотой промышленности снова чесали языки в коридоре. Громкие голоса – нависла опасность, и старые кони били копытами. Их удача была в прошлом, их звезда была в прошлом. Сейчас они были просто старыми ездовыми псами, которые тянули нарту валюты для государства.

Так думал Чинков. Он стоял теперь отдельно. Запах кедрового стланика и победная уверенность счастья. Угасание Реки. Они считают, что конец Чинкову, а он даже еще не начинал. «Пора, – сам себе сказал Чинков. – Пора. Настало время».

Он повернулся и пошел прочь по длинному коридору центрального управления. Спирной он чувствовал недоуменные взгляды. Даже чей-то сдержанный изумленный оклик. (Надо лезть в драку, отстаивать управление, а он уходит. Чинков-то сопляк, ребята!) Но Чинков не повернулся. Папочка кокетливо взята за уголок, легкая походка. Грациозный бегемот в дорогом темном костюме.

...В тот же вечер, нарушив все законы субординации «Северного строительства», Чинков самовольно покинул совещание и на первом подвернувшемся грузовом Ли-2 вылетел обратно в Поселок. Ли-2 шел пустым. Чинков в одиночестве сидел в темно-зеленых дюралевах недрах. Хлопала неприкрытая дверца хвостового отсека. Дверь в кабину пилотов тоже была открыта. Чинков видел затылки и спины пилотов, широкие от сидячей жизни. Северстроевские летчики знали, кого везут. Для них он был столп, знаменитость, для них он был в сонме богов и, значит, свой человек. Перехватывая металлические ребра фюзеляжа, Чинков прошел вперед, закрыл дверцу в кабину пилотов, аэродромным башмаком заклинил хвостовую дверь. Ему требовалось быть одному. Он сел на металлическое креслице и закрыл глаза. Куценко! Жизнь и здоровье Куценко интересовали его сейчас больше, чем свои собственные.

Моторы Ли-2 монотонно гудели «боум-боум-боум». Чинков, казалось, дремал. Глаза закрыты, лицо спокойное. На коленях черная папка и благонаправно сложенные руки с маленькими женственными кистями. Выдавало, что Чинков не спит, лишь некое движение пальцев, как будто перелистывавших листы неизвестного дела.

Чинков и в самом деле мысленно перелистывал, перебирал узкие листочки, исписанные собственным бисерным почерком, – содержимое папки. На каждом таком листочке была мысль, или довод, или догадка, или соображение. Привычка записывать возникла у него в первые дни первооткрывательской славы. И началось все со странного факта: когда россыпь, открытая им, была оконтурена и разведана. Чинкова поразило, что контур и положение россыпи полностью совпали с тем контуром, который был нарисован в его воображении два года назад. Он узнал на итоговой карте зеленый мерцающий пласт, приходивший к нему во сне или просто при закрытых глазах.

Разведка россыпи стоила многие сотни тысяч рублей. Россыпь же, открытая чинковским воображением, была, так сказать, бесплатной. Если не считать напряжения чинковского мозга.

...Интуиция в те годы числилась среди идеалистических штучек. Но Чинкову было плевать на термины, его интересовала техника дела. В областной библиотеке он обнаружил, что в свое время в Город попала библиотека известного философа-идеалиста, эмигрировавшего в конце двадцатых годов. Там Чинков и открыл, что вопросами интуиции всерьез занимались серьезные люди: Лейбниц, математик Пуанкаре и так далее. Идеалистического тумана Чинков не боялся. Его интересовала интуиция как инженерный метод познания. Так возникла черная папка. Он записал:

«Интуиция. Служит равноправным с прочими методами познания природы. Фундаментом интуиции являются: 1. Личные способности человека к ней. 2. Первичный материал, груда фактов, которыми он располагает. 3. Сильное и длительное напряжение мозга.

Достоинства. Это прямой и безошибочный метод познания.

Недостатки. Проверить правильность интуитивной догадки можно лишь обычными методами.

Применение. В геологии нужны прежде всего люди с развитой и тренированной интуицией. В науке о россыпях все зыбко и все расплывчато. С помощью интуиции надо выбирать район поисков и их направление. Далее обычными методами».

Чинков знал, что замкнулся первый круг его жизни. В этом круге образцом для Чинкова служил человек, снятый с ним на фотографии. Он стал академиком в сорок и умер в сорок семь. Но жизненная задача была выполнена. Чинков верил, что академик обладал чрезвычайной интуицией. Он первый угадал золотой пояс Реки. Нынешние корифеи «Северстроля» пришли вместе с ним или следом за ним. Они выиграли жизнь, эти честолюбивые молодые люди. Пришли в нужное место и в нужное время. Их фамилии спрягаются в геологических монографиях всего мира, на них заведены досье в иностранных разведках, у себя в государстве они числятся под литерами особо ценных людей. Но их привел, дал направление рано умерший академик. Их прославила его интуиция. И он, а не кто другой, не оставил на Реке места Чинкову.

Рапорт о переводе еще не был написан, еще шли телеграммы с поздравлениями, но Чинков уже знал – Территория. Если есть ему место на земле «Северстроля», то это место на Территории. Так сказал Чинкову внутренний голос. Риск – безусловен. Но если не рисковать, то что делать дальше? Бросать «Северстрой»? Из «Северстроля» уходят лишь неудачники, те, кто слаб. Что в принципе одно и то же. Если ты неудачлив и слаб, ты – ничтожество в рядах «Северстроля». Если удачлив, но слаб, ты – все-таки личность. Если ты силен и удачлив, ты – личность вдвойне. Он, Чинков, и есть такая личность. Следовательно, он создан для «Северстроля».

Территория – страна олова. Заповедь «Северстроля» гласит, что олово и золото несовместимы в одной провинции. С оговоркой «почти». Но про оговорку забыли. Может быть, потому, что золото на Территории упорно искали. Два года назад, собирая в черную папку материалы по Территории, Чинков выдумал какую-то комиссию по проверке архивных фондов, сам стал ее председателем и прочел все, что можно прочесть, не вызывая расспросов. Получалось так:

Конспект

Первичные предпосылки. «Голова золотого тельца находится на Юконе. Туловище его находится в Азии». Эта формула возникла в последние годы XIX века среди золотоискателей Клондайка. «Подтверждением» формулы являлись сведения, полученные от скупщиков «оленьего короля» Карла Ломена. Скупщики утверждали, что хорошее россыпное золото встречается у Заячьего мыса. Были еще невероятные слухи, что туземцы стреляют медведей золотыми пулями и у некоторых из них видели мундштуки трубок, откованные из самородного золота. К 1900 году наметилось четкое движение проспекторов Клондайка в Азию.

Примечание Чинкова. Никто никогда не видел золота или изделия из золота, достоверно добытого на Территории.

Конспект

Экспедиция К. В. Богова. Для «сохранения русского суверенитета» над, возможно, золотоносными областями Азии была создана концессия, получившая преимущественные права на все полезные ископаемые Территории. В лето 1901 года была спешно организована экспедиция под руководством профессора Петербургского университета К. В. Богова, знавшего золотые прииски Лены и работавшего несколько лет на Камчатке. Субсидировали экспедицию английские банки. Она снаряжалась в Сан-

Франциско, экспедиционным судном служила шхуна «Гавайи» под командой норвежца Хансена. Инженерный персонал составляли англичане, рабочими были китайцы, снаряжение американское по калифорнийскому образцу. Для охраны прав экспедиции был выделен военный бриг «Якут». Экспедиция пришла к берегам Территории в начале июля 1901 года. В первой же бухте она столкнулась с судном владивостокского купца Бринера, который также искал золото по разрешению, выданному Иркутским горным управлением. Экспедиция закончилась в августе. Из-за конфликта с капитаном Хансеном, который потребовал захода в Ном для ремонта машины. В Номе Хансен сошел на берег и отказался вернуться на судно. Суд подтвердил расторжение контракта.

Конспект

Результаты. К. В. Богов составил геологическую карту узкой ленты побережья. Шлихи, промытые в устьях рек Территории, и также несколько шурфов, которые удалось пробить, показали повсеместное распространение золотых знаков. Но ничего более. Конечный вывод К. В. Богова – отрицательный. «Именно из-за повсеместной зараженности золотом на Территории нет промышленных россыпей».

Примечание Чинкова. Главной ошибкой была плохая организация экспедиции. К. В. Богов не столько занимался работой, сколько выяснением отношений между английским персоналом и начальником экспедиции, между капитаном Хансеном (запойная форма алкоголизма) и начальником экспедиции. Он не сумел преодолеть разочарование персонала от того, что в первых же пробах не полезли самородки. Снаряжение, отобранное в Сан-Франциско, не годилось. Калифорнийские кирки непригодны для вечной мерзлоты, насосы с коническим клапаном непригодны для откачки воды из шурфов. В результате пробито было всего несколько шурфов. Как специалист по золоту К. В. Богов не мог не знать, что в устьях рек с их тихим течением вряд ли можно ожидать крупного золота. Экспедиции в верховьях не были организованы из-за неурядиц. Все предприятие окончилось крахом.

Сводка

Проспекторы. В течение последующих двадцати лет на Территорию ежегодно попадали группы американских и русских проспекторов. Об этом сообщает местное население. В районе Заячьего мыса найден ручной бур «эмпайр», который применяется для отбора проб в рыхлых грунтах. Достоверных сведений о результатах не имеется. По-видимому, знаки в шлихах неизменно встречались, иначе нечем объяснить упорство проспекторов, повторявших экспедиции из года в год, зачастую с риском для жизни. Но ни один старатель не нашел ничего, кроме знаков. Как и предсказывал К. В. Богов.

Примечание Чинкова. Одиночка-старатель или даже группа их не могли организовать сколько-нибудь тяжелые работы. Из-за отсутствия транспорта они были прикованы к ленте побережья.

Сводка

Первая экспедиция «Союззолота». Первую экспедицию мощного треста «Союззолото» представлял Константин Сергеевич Дамер. Работа его рассчитывалась на три года, из них первые два должен был посвятить составлению географической и геологической карты Запада Территории, третий год – прямым поискам золота. Базой служил домик Пугина на месте Поселка. В первую же зиму Дамер погиб в Кетунгском нагорье. Вероятно, от воспаления легких. Прибывший вслед за ним Д. И. Овцын закончил составление географической и геологической схемы. Поисками золота он не занимался. В геологических образцах, доставленных Овцыным с мыса Валькай, был обнаружен касситерит. Ни К. С. Дамер, ни Д. И. Овцын ничего не сообщали даже о знаках.

Примечание Чинкова. Ошибки. Ошибки можно отнести лишь к руководству треста «Союззолото». К. С. Дамер и Д. И. Овцын являлись геологами академического плана, блестяще образованными и настойчивыми работниками. Но они не были поисковиками.

Конспект

Вторая экспедиция «Союззолота». Вторая экспедиция имела в своем распоряжении шхуну и состояла из четырех горных инженеров, знакомых с работой по золоту Лены, Алдана. К сожалению, ледовая обстановка была неблагоприятной, шхуна задержалась. Чтобы наверстать время, все четверо взяли одиночные маршруты от мыса Бараний Камень к реке Китаю, где их должна была встретить шхуна. По-видимому, они не учли тяжесть маршрута по осенней тундре, не учли климат Территории. Все пропали без вести. Шхуна зимовала в устье Китама, но никто из экспедиции не пришел. Результаты экспедиции поэтому неизвестны.

Примечание Чинкова. После открытий месторождений Реки интерес к золоту Территории исчез. Ключом к ее освоению стал касситерит. Официальное мнение «Северстроя»: олово и золото в одной провинции несовместимы. Это считается неопровержимой истиной. Возможно, так оно и есть.

Запись Чинкова

Факты. В архиве мною найдено упоминание о бутылках с мелким пылевидным золотым песком, обнаруженных на касситеритовом прииске Территории. Спектральный анализ не позволяет его отнести к какому-либо месторождению Реки.

Заметка Чинкова

Катинский. Три пробы с весовым золотом. Докладная записка. Соображение об идентичности золотонесущих гранитов Реки и Территории.

Главной ошибкой Катинского является отсутствие твердости. Он был обязан любыми путями пробить максимальное число горных выработок и доказать, что есть россыпь, а не случайный карман. Трех проб, чтобы получить деньги и рабочих, разумеется, недостаточно.

...Чинков один за другим мысленно перебирал листочки черной папки. Гул моторов давно уже стал еле различимым, стал фоном, к которому привык слух. Тонко дребезжала какая-то железка, самолет постукивал, вибрировал, жил. В закрытых глазах Чинкова мелькнула белая вспышка, и он неожиданно, без подготовки, как это часто бывало с ним, пришел к выводу, что проблема золота Территории даже не в том, что его искали неправильно или мало, а в том, что не было лидера. Нужен честолюбец, который будет идти до конца.

2

Начальник Восточной поисковой партии Владимир Монголов с четырех утра сидел в камеральной палатке. Работа над картой требовала сосредоточенности, а днем солнце так накаляло брезент, что думать было почти невозможно. Монголов гладил сухое бритое лицо и смотрел на карту. На ней разбегались обведенные тушью петли маршрутов, выполненных с начала сезона. Мелкие цифры номеров обнажений, красные точки шлиховых проб, черный квадрат на том месте, где били канавы, прямые черты шурфовочных линий поперек долины реки Эльгай. Все это было десятки раз взвешено, продумано, размещено так, как положено быть. И люди, и взрывчатка, и горные выработки. Прораб Салахов ушел в длинный шлиховой маршрут. Съемщик Баклаков сегодня вернется из очередной маршрутной петли. План по шурфам и канavam идет нормально – все катится и идет, как должно. Но все же Монголов чувствовал, что порядок неподвластен ему. Он же в свои пятьдесят три года привык к порядку, потому что жизнь Монгорова прошла под словами «приказ» и «необходимо». Он служил кадровым офицером, потому что его направили в армию, потом стал горняком, ибо так требовалось, стал оловянщиком, потому что стране позарез было нужно олово, пошел на фронт, когда началась война, и оставил войну по приказу, ибо в олове война нуждалась больше, чем в командире батареи. Он был специалистом по поискам касситерита – главной оловянной руды. Здесь, в самом дальнем углу «Северного строительства», имелся касситерит, он создал Поселок, на олове специализировалось их управление. Монголов считал, что и его личная жизнь связана с оловом. Но в этот сезон, с самого начала его, Монголов чувствовал смутную глухую тоску, как будто утром, идя на работу, встретил вдруг старого недруга, неприятного, точно озноб, человека, и этим напрочь испортил день.

Проект на поиски касситерита в долине реки Эльгай писал Монголов. Проект был логическим продолжением предыдущих сезонов, и Монголов мог бы, если бы это допускали рамки проекта, предсказать содержание и запасы. Но касситерита в долине реки Эльгай не оказалось. Вопреки всякой логике. Не было в кварцевых жилах, где били канавы, не имелось в шлиховых пробах по долине реки, не встречалось в шурфах. Вместо этого в шлихах лезли недоброй славы золотые знаки.

Странная и печальная история золота Территории всегда угнетала Монгорова, когда он читал отчеты. Гнусный мираж, профанация, обман и самообман. Мираж – когда крошечные золотые пылинки, видимые лишь под лупой или микроскопом, вылазят в каждом лотке, но нет весового золота, нет настоящих проб. Истории, слухи, легенды, сказки, главы в бойких книжонках, написанных дилетантами, статейки там разные про романтику поисков и загадки природы. А Катинский? Прекрасный оловянщик, давний друг Миша Катинский. Три года назад он руководил партией на соседней речке Капай. Задачей партии было установление границ оловянной провинции. Тундровый черт подбросил ему в трех шурфах пробы с весовым золотом.

Катинский срочно написал докладную о переориентации своей партии на золото. Где сейчас инженер и давний друг Миша Катинский? В Средней Азии! Сказал при отъезде, что подросли дети, требуют твердую руку отца.

Монголов в десятый раз провел по гладко выбритой щеке. Во всей партии брился только он, и только он считал необходимым ходить в стираном свитере, чищенных сапогах. Он взял тонко очиненный карандаш и чуть дрогнувшей рукой провел место очередной шурфовочной линии. Специфика геологии в том, что ты никогда заранее не можешь назвать результат, – может быть, он появится в последний день в последнем шурфе или последнем шлихе, промытом замотанным за сезон промывальщиком. Но нюхом старого поисковика Монголов чувствовал, что олова в этом году не будет. Неудачный, глупый и нехороший сезон. Наверное, пенсия подает сигнал, стучится в дверь дрожащей рукой. Жизненная наука заключается в том, что никогда не надо сдаваться раньше конца. И никогда не надо спешить раньше начала. Зачем поспешил Миша, Михаил Аркадьевич Катинский? Может, ему тоже пенсия постучала? Или суетная жажда славы затмила ясность ума? Инженер должен исходить из реальности: Катинского уничтожили, насмешкой и властью убили боги. Те самые боги, что двадцать лет назад открыли знаменитый золотonosный пояс Реки. Тогда они были действительно боги.

Монголов снял с гвоздика у двери офицерский плащ. Под плащом прятался короткий винчестер. Монголов надел плащ, перекинул ремень винчестера через плечо и машинально хлопнул по карману. В кармане звякнули патроны. Монголов собрал со стола карты, положил их во вьючный ящик, навесил замочек и ключ положил в карман. Символически, но так полагается. Он тщательно притворил фанерную дверь камеральной палатки. От дыма дальних пожаров воздух казался белесым.

Монголов пересек ручей, впадавший в реку у базы. О сапоги стукнулся хариус, метнулся, рябь пошла по воде. От устья ручья Монголов свернул в кустарник. Прямая его фигура плыла над кустарником, приклад винчестера торчал над узким аккуратным затылком. Он легко выбрал дорогу, и шаг его был легкий, как у юноши на лесной тропинке.

Впереди долина, река как бы кончалась, упираясь в тупоносый горный утёг. Там река Эльгай раздваивалась, делилась: Правый Эльгай и Левый Эльгай – две равнозначные речки. Донесся глухой хлопок взрыва – шурфовщики работали. Вскоре Монголов увидел их: двое стояли у темного пятна грунта, на котором белел вороток, и смотрели куда-то за реку, в сопки. Потом уселись, все так же разглядывая дальние сопки. Над ними кружилось плотное, палкой бей, облако комаров.

Шурфовщик Кадорин, по кличке Седой, крупноголовый, чуть сутулый мужик со страшным шрамом, идущим от угла рта к уху, вежливо встал навстречу начальству, улыбнулся изуродованной улыбкой независимо и доброжелательно. Монголов поздоровался с ним за руку. Он уважал Седого. Гиголов, длинноволосый развинченный парень, прозванный из-за пристрастия к простокваше Кефир, дурашливо приподнял кепочку:

– Здравсьте, Владимир Михалыч, товарищ начальник.

– Где Малыш? – спросил Монголов.

– Пробы моет. С утра таскал, теперь моет, – ответил Седой.

– Точно! Топают двое, – провозгласил Кефир. Он снова уставился на дальний склон сопки. Седой промолчал. По остроте зрения невозможно было состязаться с Кефиром. Серые, вечно с придурью глаза его обладали дальностью хорошего морского бинокля.

– К базе идут, – дополнил Кефир. – Ид-дут к базе. А в рюкзаках у них спирт. Ха-ха! – Кефир юродствовал. – Начальник, выдашь по кружечке? Выпью и спляшу индийский танец под названием «Ганга». Есть такая река на берегу теплого синего океана. Среди храмов, пагод и идолов.

Он встал в позу восточной танцовщицы, вскинул руки. Одна ладонь сломлена вниз, вторая – вверх, и задергался развинченным телом. Развернутые носки драных сапог притоптывают по осоке, на немывтом лице покой и загадочное блаженство.

– Вырезок человечества, – кратко определил Седой.

Палило солнце. На желтой осоке, на сером грунте полярной земли валял дурака нечесанный человек в драной рубахе. Пахло сыростью, горьковатым запахом взрывчатки, дымом горящей тундры.

– Давай, Ганга, в шурф. Выкачивать будем. – Седой нацепил на крюк воротка бадью.

– В сырость и глубь земных недр! – Кефир поднял брезентовую куртку, шагнул к бадье.

– Оба толстые. Прут нахально прямо на базу, – сказал он в заключение, глянув на сопку.

– Яз-зви его в веру, надежду и душу, – пробормотал Седой. Машинально глянув на сопку, он чуть не выпустил ручку воротка. Голова Кефира, стоявшего в бадье, была уже на уровне среза шурфа. Он терпеливо и бесстрастно взирал на Седого, как некий Христос, не возносящийся, а уходящий вглубь.

Монголов по следам рассыпанного при переноске грунта пошел к реке. Малыш в коротких и толстых резиновых сапогах стоял в воде и медленно качал лоток. Он не вздрогнул, не оглянулся на шум шагов. Вниз по течению от лотка уходила желтая муть. Даже сквозь верблюжий свитер было видно, как ходят мышцы на спине Малыша.

– Как дела? – спросил Монголов.

Малыш медленно разогнулся и повернулся к Монголову корпусом. Внешне промывальщик напоминал литую глыбу с мягкими кошачьими движениями. В Поселок он попал из цирка, где работал силовым акробатом. Бережно слив из лотка последнюю воду, Малыш бесшумно и даже изящно вышел из воды, вытер об узкое бедро ладонь и так же бережно пожал руку Монголова. Именно ровная вежливость, а не умение разнимать драки двумя движениями пальцев, создали Малышу авторитет среди вольных людей, не боявшихся ни финки, ни лома, ни расправы многих с одним.

– Как? – повторил Монголов.

Вместо ответа Малыш кивнул на влажные мешочки с уже отмытыми пробами и подал Монголову большую шлиховую лупу в медной оправе.

– Ты продолжай, – сказал Монголов, наклоняясь за первым мешочком. Но Малыш остался стоять на месте, лишь беспокойно переступал с ноги на ногу. Монголов быстро просмотрел пробы. Мутные зернышки кварца, черная пыль магнетита и кое-где чуть заметно отсверкивали блески золотых знаков. «Что я психую, – желчно думал Монголов, – такие знаки под Подольском намыть можно. А вот намой ты под Подольском касситерит».

В то же время он не переставал думать о тех двоих на склоне сопки. «Оба толстые. Прут нахально прямо на базу», – сказал Кефир. Рация у них с весны вышла из строя, война начнись – не узнают. Пастухи? Пастухи толстыми не бывают. Идут не таясь, идут со стороны, где работали канавщики, значит, не из «этих», не из случайных. Пожалуй, некому быть, кроме главного инженера их управления Чинкова, который по совместительству был и главным геологом. Кто-либо из начальства все равно должен посетить партию. Чинков как раз толст. Значит, идет Чинков и с ним сопровождающий с автоматом для соблюдения техники безопасности. Главного инженера Монголов знал плохо, потому что тот занимался золотом, а золото не интересовало Монголова. Золотарь, лауреат, человек с репутацией тяжелого танка с полным боекомплектom. Достаточно сведений о начальнике.

– Все отмытые пробы доставь сегодня на базу, – сказал Монголов. – К двенадцати ноль-ноль.

– Приказ начальника – закон для... – как-то неестественно улыбнулся Малыш.

– Кажется, главный инженер к нам идет.

– Порядок в танковых частях, – Малыш опять улыбнулся, на сей раз своей неизменной детской улыбкой, которая всегда выбивала Монголова из равновесия. За много лет он хорошо изучил экспедиционных рабочих. Он любил и уважал их, как, допустим, командир мог бы любить и уважать свой непутевый, но надежный в бою взвод. Кому как не Монголову, прожившему жесткую жизнь геолога и солдата, было знать, что за праведным ликом часто прячется квалифицированное дерьмо, за косоухой небритой личиной сидит бесстрашный умелец, за гордыней прячется самолюбие и желание быть в деле честнее и лучше других. И еще Монголов знал истину, без которой не может быть командира, – грань, где кончается попустительство и стоит слово «приказ». Знали эту грань и его работы. Но Малыш не подходил под каноны.

– Пойду встречать, – Монголов поддернул ремень винчестера и еще раз посмотрел на сопку. Если Чинков идет с той стороны, значит, он был на канавах и обстановка ему известна. Идти на канавы незачем.

– Владимир Михайлович! – окликнул его Малыш.

– Слушаю.

– Все нормалеус. Пробы будут как штык, – вдруг сникнув, сказал Малыш.

Монголов несколько мгновений молча смотрел на него.

У него опять зануло в желудке, под солнечным сплетением. Два года назад врач неопределенно находил то ли язву, то ли преддверие язвы. Отпуск кончался, а законы «Северстроя» строги. Боль была тупой и тягучей. Монголов даже скривил лицо. Мысли прыгали: приход Чинкова, глупые знаки золота и отсутствие касситерита. Вспомнив окрик Малыша, Монголов даже остановился. Что именно его насторожило? Нет, ничего.

Что-то с нервами не в порядке. Наверное, от жары. Пора в отпуск. Монголов шел прямо, сжав губы, и даже несколько по-строевому печатал шаг, так сильно хотела его душа четкости и порядка.

Когда он дошел до палаток, Чинков был уже там. Монументально сидел на ящике из-под консервов, и было похоже, что всегда тут сидел и будет сидеть. Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид. Они поздоровались.

– Вы на канавы зашли?

– Да-да, – соболезнующе покивал головой Чинков. – Полностью пустые канавы, такая жалость. А что шлихи?

– Пока все пусто.

– В полном противоречии с проектом. А что все-таки они говорят?

– Слабые золотые знаки. И ничего больше.

– Знаки обязаны быть. Конечно же так, – пробормотал Чинков.

– Пойдемте посмотрим карты и пробы.

– Охотно! – Чинков встал, тонко и весело крикнул: – Алексеич!

– Тут! – с готовностью ответил голос из-за палатки. Только сейчас Монголов увидел второго. Точно в такой же брезентухе, как и Чинков, чуть поменьше в объеме, так же черноволос. Они походили друг на друга, как вынутые одна из другой матрешки.

– Сообрази чайку и уху, – сказал Чинков. – Знакомьтесь: Клим Алексеевич Куценко. Лучший промывальщик Реки.

– Чай и уху, – как эхо откликнулся Куценко. Монголов чуть не рассмеялся. Голос у Куценко был точно чинковским. Вся рота похожа на командира.

– И уху! – твердо сказал Чинков. – Ведите, Владимир Михайлович.

В камеральной палатке Чинков осторожно уместился на самодельном стуле и даже улыбнулся Монголову. «Смотрите-ка, даже стулья у вас. По-хозяйски устроились...» Монголов ничего не ответил. Зыбкое благодушное поведение Чинкова насторожило его. Уж очень все не вязалось с репутацией Будды. В палатке было сухо, жарко, темно. Солнце грело торцевую стенку, и мозаика комаров на потолке переползала лениво, менялась.

– Скажите, Владимир Михайлович, – тихо, даже как-то интимно, спросил Чинков. – Вы могли бы поверить в промышленное золото Территории?

– В промышленное золото здесь я не верю.

– А почему?

– Считаю, что несерьезно. Трепотня и пошлый ажиотаж. Игра в романтику, хуже того, честолюбие за счет государства.

– Золото всегда сопровождает пошлый ажиотаж, – наставительно произнес Чинков. – Вы, по-видимому, не любите золото, Владимир Михайлович?

– За что я должен его любить? Я не одалиска и не подпольный миллионер.

– Ну что вы! Вы, конечно, не одалиска.

«Что он ваньку валяет? Зачем?» – с внезапным раздражением подумал Монголов.

– Повсеместное распространение знаков и случайные пробы ничего не доказывают, – резко сказал он. – Хуже того, дают почву для спекуляций.

– Ныряет, выныривает и снова ныряет, – загадочно пробормотал Чинков. Монголов видел лишь его склоненную голову с могучим покатым и гладким лбом.

– О чем вы? – спросил Монголов. Чинков молчал. За палаткой послышалось ворчанье Куценко, шаги.

– Пойдемте! – быстро сказал Чинков. Они вышли из палатки. Промывальщик Куценко шел по берегу с детским розовым сачком, каким ловят бабочек, и вглядывался в воду. Чинков воззрился ему в спину, приглашающе помахал рукой. Из палатки рабочих появился... Кефир, почему-то в одном нижнем белье китайского производства. Осторожно покосившись на начальство, он устыдился в спину Куценко.

– Гиголов! Ты здесь зачем? – спросил, улыбаясь, Монголов.

– Живот болит. Пришел за аптечкой, – сокрушенно прошептал Кефир.

– Каменюку швырни! – неизвестно кому адресуясь, скомандовал Куценко.

Кефир сорвался с места, поднял тяжелый булыжник и замер.

– Пониже меня метров на десять. Бро-о-сь! – не оглядываясь, пропел Куценко.

Кефир охнул, швырнул камень. Взлетели желтые, просвеченные солнцем брызги. Куценко сделал неуловимое в быстроте и точности движение сачком, и в сачке заплясал крупный хариус. Чинков залился тонким счастливым смехом: «Не правда ли, цирк? Пятый год не могу привыкнуть».

– Сейчас еще выну, Илья Николаевич, – сказал Куценко и сердито добавил: – Ты больше-то не швыряй, дурило. В океан рыбу прогонишь.

Кефир восторженно выпрямился:

– Слышь, у ты глаза на затылке, што ли?

– Да-а-вай, да-а-вай! – лениво протянул Куценко. Было тихо. Пищали комары, светило солнце.

– В рюкзаке коньяк есть. Не откажетесь? – спросил Чинков. Лицо у него было безмятежным.

«А он ничего мужик, – неохотно заключил Монголов. – Вырвался в поле и рад, как пионер в походе».

Чинков с посапыванием копался в рюкзаке. У Монгорова снова резко заныл живот, голова закружилась, и он подумал, уверовал вдруг, что в главном инженере сидит какая-то чертовщина, что он, Монголов, присутствует при непонятной игре. Дело вовсе не в том, что Чинкову взбрела блажь искать золото. С неясной тоской Монголов подумал еще, что песенка его подходит к концу, да-да, пенсия на пороге и освободи место другим. Даже на фронте, где люди весьма склонны к приметам и суевериям, Монголов меньше других был склонен к мистике. Но сейчас – накатило, и он даже выпрямился, даже одернул складки несуществующей гимнастерки под несуществующим ремнем и мысленно произнес приказ: «Отставить, Монголов! Спокойно!»

Все в полном порядке». Все это промелькнуло в его голове в тот краткий миг, пока главный извлекал из рюкзака завернутую в шапку бутылку коньяка «Армения». Будда достал бутылку, посмотрел на свет, оглянулся кругом, и тотчас, точно привлеченный этим магнитным взглядом, из-за откоса выполз Куценко с хариусами, оттягивающими мокрую сеть сачка. Следом, не сводя обожающих глаз со складок на затылке промывальщика, шлепал босыми ногами Кефир.

– Штаны не надо носить? – насмешливо спросил Чинков.

– Счас! – Кефир с деланным смущением устремился к палатке. Вышел оттуда в штанах, но с кружкой.

Чинков засмеялся сдавленным кудахтающим смешком, пальцем поманил к себе Кефира и пальцем же показал на бутылке отметку.

– Извини, бутылка всего одна.

Кефир жестом заверил его в своей глубокой алкогольной порядочности. С кружкой он отошел от палатки, сел на землю и тонко посвиристел. От обрывчика к нему тотчас запрыгал толстый желтый зверек – евражка Марина.

– Давай устроим, Марина, отдых трудящихся, – бурчал Кефир. – Сейчас я тебе сыру дам. Хошь плавленого, хошь голландского от империалистов.

Евражка Марина, северный суслик, тонко попискивала, стоя на задних лапках. Раскосые глазки преданно смотрели на Кефира.

– Кадры у вас... Владимир Михайлович, – растроганно сказал Чинков. – Я, знаете, люблю настоящий северстроевский кадр. Помню, у меня журавля держали, Степу. Отравился чем-то и умер. Такое горе было... «Не лезь, не мешай, начальник, нам Степу жалко. Ты и не знаешь, какой он был человек». Да!

Они снова прошли в камеральную. В полумраке ее коньяк, налитый в кружки, казался густым, как олифа. Чинков со слоновьей грацией сидел на стуле. Вошел Куценко, принес две открытые банки шпротов, пачку галет в алюминиевой миске. «Уха будет через пятнадцать минут», – сказал он и вышел. Было нестерпимо тихо. Западная стенка палатки нежно окрасилась розовым. От этого было грустно. Боль в желудке не отпускала Монголова. Он знал, что от коньяка ему будет хуже – придется пить соду и, пожалуй, не спать ночь. Но в «Северстрое» от выпивки отказывались только под предлогом болезни. Монголов считал, что, если дела в партии идут неудачно, про болезнь говорить он не имеет права. «Не ко времени, ах, не ко времени», – думал Монголов.

– Не считаете ли вы нужным провести шурфовку вверх? Подсечь оба притока? – спросил Чинков.

«Вот оно что! Значит, все-таки просто идиотское золото, – зло подумал Монголов. – Вежливо. Но твердо. Твердо. Но вежливо. Пойду на обострение».

– Нет, – сказал он вслух. – Не считаю. У партии есть проект. Проект составлен на касситерит. Касситерит, как известно, легче золота. Если он есть в верховьях, он был бы и здесь. Линии вверх будут пустой тратой государственных денег.

Монголов ждал, что в соответствии с обычаями «Северстроя» последует: «А вы считайте, что это приказ». И он будет вынужден подчиниться. Но Чинков молчал. Он сидел все так же, наклонив голову, и вдруг мгновенно и остро, точно щелкнул фотоаппарат, глянул в глаза Монголову. Так, уколом зрачка в зрачок, оценивают людей бывалые уголовники. Монголов понял, что Чинков с легкостью читает его невысказанные мысли.

– Где ваши люди? – спросил Чинков.

– Съемщик должен сегодня вернуться. Шлиховая группа прораба Салахова вышла в многодневный маршрут. Кстати, он пройдет район Катинского, если вас это интересует. Я должен понять, где и, главное, почему выклинился касситерит. На западной границе планшета он есть. На самом планшете пока не обнаружено даже признаков. Восточнее – бассейн реки Ватап. О нем мы вообще ничего не знаем.

- Вы читали докладную Катинского?
- Конечно, читал. И дал дружеский совет выбросить.
- Почему?

– Ясно как... устав гарнизонной службы. Никто здешнего золота не видел в глаза. Если бы это был любой другой минерал, о нем бы просто забыли. Но золото обладает... свойством. Теряют голову даже опытные инженеры, как Михаил Аркадьевич Катинский. Мы с ним поссорились из-за докладной записки. Мальчишество. Здешние знаки можно намыть в Белоруссии, на Кавказе, даже в Подмосковье, – Монголов вдруг почувствовал себя усталым и старым из-за того, что вынужден был говорить очевидные вещи. – Я говорю очевидные вещи, – сказал он. – Ваш коньяк, моя база. Первый тост?

- Вы переписываетесь с Катинским?
- Редко. Новогодние поздравления.
- Может быть, он вернется?
- Думаю, нет. Недавно он защитил диссертацию по полиметаллам. Твердое положение.

Его сильно обидели в Городе. Он не вернется.

– Возвращаются неудачники, – рассмеялся Чинков. – Не так ли? Поэтому выпьем за тех, кому нет нужды возвращаться.

Они выпили.

– Просто должны быть причины для возвращения, – переждав коньячный ожог в желудке, сказал Монголов. – У Катинского нет причин.

– Я рад, что вы отправили шлиховую группу за пределы Эльгая. Рад, что, несмотря ни на что, они пройдут район Катинского.

– Я просто веду нормальные поиски касситерита.

– В этой связи не хотите ли вы шагнуть за реку Ватап? Для обследования гранитных массивов. Допустим, дней на двадцать отправить в рекогносцировку вашего Баклакова.

– Все дело в реке Ватап. Потребуется на неделю снять людей с шурфовки, чтобы организовать переправу. И кого-то отправить с ним. Между тем жара. Мерзлота вот-вот поплывет. Людей с шурфовки снимать нельзя. Боюсь, что без лодок переправа вообще невозможна.

– И все-таки... – Чинков снова налил коньяк в кружки.

Дверь палатки открылась, и вошел Куценко с кастрюлей ухи. Он поставил уху на стол, быстро принес миски, галеты.

– В такой маршрут должна идти группа или очень опытный тундровик. Карта нагорья приблизительно. Шальное лето. Все можно ждать. Паводки, ливни, снег. Со дня на день.

– А что вообще Баклаков?

– Нормальный молодой специалист. Работает у меня второй год. Звезд с неба не снимает. Старателен.

– Он, кажется, мастер спорта? – сонно спросил Чинков. Монголов понял, что Чинков изучил анкеты.

– Спорт есть спорт. Работа есть работа. Это разные вещи.

– Честолюбив?

– Как всякий молодой специалист. Пожалуй, чуть больше, – Монголов невесело усмехнулся. – Медведь тут на базу пришел. Он на него с ножиком бросился. Для проверки душевных сил.

– И что же?

– Медведь убежал. Оказался умнее.

...Ночью Монголов не спал. Смутное недовольство снова вернулось к нему. Беседа с Чинковым оказалась странной, уклончивой и непонятной. Монголов не стыдился прожитой жизни. Он не прятался за спины других на фронте. Выбрал профессию, тяжелее которой не так уж много профессий. Работал в местах, хуже которых разве что полярные острова. Он

открыл две оловоносные россыпи и тем оправдал свою жизнь на земле. У него прошло немало неудачных, пустых сезонов, но чувства ошибки не было, так как новый сезон тянул за собой другой, как линии геологических границ тянулись за пределы планшета, отведенного на данное лето. Монголов, это Чинков угадал, всегда неприязненно думал о золоте. О золоте – самородном металле, приобретшем властную силу над миром. Его счастье, что он сухопарый. Геологи, склонные к ожирению, изнашиваются к сорока годам. Они не могут ходить в поле. В их медицинских карточках сложной латынью записано «сердечник». Он может ходить. Пока стоишь в строю... Взять бы разведку на оловянном прииске. Касситерит, насквозь знакомый и близкий ему минерал. Золото! Черт бы его побрал!

Монголов услышал шаги. Кто-то вышел из камеральной палатки. Зашуршал спальный мешок, и по тяжелому дыханию Монголов понял, что это Чинков. Решил, видимо, спать на улице. Будда уже не ходит в поле.

Чинков, забравшись в кукуль, спальный мешок из оленьего меха, смотрел на светлое небо, прохладный шар солнца, уже готовившийся к подъему от темных валунов сопки. Комары поодиночке с коротким посадочным писком атаковали лицо.

Шумела река, и, как всегда по ночам, слышался стук перекачиваемых водой камней. Не хватало лишь шума тайги. Там, где Чинков ходил в прославившие его маршруты, всегда была лиственничная тайга.

Чинков с трудом выбрался из тесного кукуля и раздул еще тлевший костер. Под мешком у Чинкова лежал полушубок, он вытащил его и надел прямо на тело.

Монголов из палатки видел неподвижную фигуру у бледного света костра. Он знал, что Чинков не заметит его, и долго смотрел на освещенное восходом чугунное лицо главного инженера. Пожалуй, сейчас Монголов понял, за что Чинков получил прозвище Будда. Но он не знал, что Будда в сей миг чувствует себя полным сил, честолюбия и веры в успех молодым человеком и что громоздкое, расплывшееся за последние годы тело не мешает ему, что он глубоко и ровно вдыхает дым костра, горький запах горящей на западе тундры, запах сырости и слегка плесени – сложный и тонкий аромат Территории.

Пригревшись под полушубком, Чинков задремал. Он очнулся, когда послышались шаги, и в следующий миг увидел у костра согнувшегося под рюкзаком парня. Парень в упор рассматривал Чинкова. У того мелькнула сонная еще мысль, видение, что это он сам и есть, что время вдруг вернулось и у костра стоит горный инженер Чинков. Видение исчезло. Перед костром стоял усталый парень, с лицом, опухшим от комаров.

– Вы Баклаков?

– Да.

– Садитесь, – Чинков окончательно стряхнул сон. Теперь уже он в упор разглядывал Баклакова, скинувшего рюкзак. Лицо у Баклакова было некрасивое, нос уточкой, лицо деревенского простяги-парня.

– Устали?

– Нормально, – с недоумением сказал Баклаков. Вопрос по экспедиционной этике был неприличным.

– Что-либо интересное?

– Нормально, – повторил Баклаков. Как всегда после комариного дня, его слегка лихорадило. Он хотел чая, хотел спать и сильно робел. За весну он успел наслышаться всяких историй о новом главном инженере. Знаменитость!

– Что бы вы думали об одиночном маршруте дней на пятнадцать-двадцать?

– Можно сделать, – сказал Баклаков и снова не удержался. – Нормально.

– Нормально его выполнить невозможно. Маршрут по гранитным массивам, с большим количеством образцов для анализа. К реке Ватап, через нее и далее в Кетунгское нагорье. Пятьсот-шестьсот километров. Ориентировочно.

- Сделаю, – сказал Баклаков.
- Вы действительно уверены в себе?
- Уверен в себе. Нормально.
- Как вы думаете переправляться через Ватап?
- Не знаю. Надо посмотреть на реку, потом принимать решение.
- Кстати, что значит в переводе «Ватап»?
- Серая вода, – сказал Баклаков.
- Мне сказали, что у вас нет дисциплины. Медведи, какие-то глупые ножики.
- Это я так... – Баклаков покраснел.
- Да-да, – покивал головой Чинков. – Судя по всему, этот дальний маршрут то, что вам надо. Не так ли?
- Если прикажут.
- Идите спать. Мы с товарищем Монголовым примем решение.
- Слушаюсь, – сказал Баклаков. За два северстроевских года он привык, что с начальством не разговаривают, а отвечают на вопросы.

Баклаков отнес рюкзак в палатку, бросил на улице спальный мешок и, не раздеваясь, лег на него, закутал голову бязевым полотнищем палатки. В глазах поплыла серая вода, катилось течение, и он заснул.

...Проснулся он оттого, что кто-то тянул его за сапог. Баклаков выпутал голову и увидел сидящего на корточках Куценко.

– Илья Николаевич требует, – прошептал Куценко. Из палатки вышел Монголов.

Чинков, похоже, так и не ложился спать.

– Владимир Михайлович! – окликнул он Монголова. Монголов, снимавший свитер перед тем, как идти к реке умываться, повернулся. – Я согласен с вашим решением отправить Баклакова в многодневную рекогносцировку, – громко и весело сказал Чинков.

Монголов ничего не ответил. Взял полотенце, зубную щетку, пошел к реке. Так же молча прошел обратно, мокрые волосы приглажены, вид свежий и аккуратный. Чинков, в овчинном своем полушубке, сидел у костра как татарский хан. Рядом переминался Баклаков.

– Сергей! Принеси карту Дамера. Выучный ящик, четвертая папка, – приказал Монголов.

– Я не понимаю, зачем этот цирк? – сухо спросил Монголов, когда Баклаков ушел.

– Боялся, что вы будете возражать. Решил поставить вас перед фактом. Не будете же вы ронять авторитет руководства перед юным специалистом. – Чинков весело улыбался. Белые зубы, глаза-щелочки. Татарин!

– Вы могли просто приказать.

– Тогда бы я взял на себя ответственность. А мне сейчас не нужны ЧП. Управлению не нужны ЧП, связанные с моей фамилией.

– Бойтесь?

– Бог с вами, Владимир Михайлович. Оглянитесь. Вокруг вас «Северстрой». А я Чинков. Таких, как я, здесь не судят.

– Я знаю.

– Я не вурдалак. Мне ни к чему бессмысленный риск. Особенно если рискуют люди, нужные мне.

– Зачем вам этот маршрут?

Чинков вовсе прикрыл глаза и с легким посапыванием стал шарить в карманах брюк. Вытащил легкий пакетик. На желтой бумаге крафт тускло светился золотой песок, Чинков пошевелил его пальцем.

– Смотрите, какая неравномерность, – ласково сказал он. – От мелких и средних зерен до пылевидного.

– Откуда?

– Намыл в верховьях вашей реки. У Куценко, знаете, редкий нюх. Редчайший. Обе пробы взял на сланцевой щетке.

– Он не взял на тех щетках касситерит?

– К сожалению. Я просматривал все шлихи до доводки. Такое ощущение, что в ваших шурфах должно быть весовое золото, Владимир Михайлович. На речке Канай его обнаружил в двух пробах Катинский. В верховьях – я.

– У меня хорошие промывальщики. Но проверять – ваше право.

– Зачем? – удивился Чинков. – Если я проверяю, то лишь себя.

– У меня хорошие промывальщики, – раздраженно повторил Монголов и пошел в палатку.

Баклаков вернулся с картой Дамера. У костра снова сидел лишь один Чинков.

– Почему, Баклаков, вы не спросите меня, зачем я вас посылаю в Кетунг? – не поднимая глаз, спросил Чинков.

– В «Северстрое» спрашивать начальство не принято, – тихо сказал Баклаков.

– Если вы в таком возрасте будете ориентироваться на «принято» и «не принято», вы уже неудачник. Меня интересует, существуют ли массивы, нарисованные на карте, которую вы держите? Что они собой представляют? Образцы. Предварительное описание. Может быть, в них есть рудные жилы.

– Понятно, – сказал Баклаков.

– Это не все. В нашей власти направить сюда тысячи рабочих, колонны тракторов. Государство направит сюда караваны судов, флотилии самолетов, Госбанк выделит миллионы, если мы найдем совпадение условий. Поняли?

– Так точно.

– Вы прапорщик, что ли?

– Нет.

– Тогда почему это «так точно»?

– Не знаю. Вырвалось.

– Дайте карту. Что-то вы, Баклаков, не очень мне нравитесь. Угодливы вы, что ли? Непохоже! Тогда какого черта вы боитесь меня?

3

Прораб Салахов с рабочим день за днем приближался к старой базе Катинского. С большими металлическими лотками, лопатами на коротких ручках, привьюченными поверх рюкзаков, они походили на старателей, вольных искателей форта. У рабочего, остроносого застенчивого мужичка, была громкая и неудобная для произношения кличка – Бог Огня. Получил он ее за невероятное умение разжигать костры в любое время и в любой обстановке.

В узких долинах зеленела осока, тонко пищали неизвестные птицы, грохотали осыпи, сдвинутые бегом снежных баранов.

Через каждые три километра Салахов и Бог Огня брали пробу: с косы, со сланцевой щетки, с борта долины. Бог Огня долго качал лоток, разбивал скребком комья, выкидывал крупные камни и бережно доводил до кондиции перед тем, как слить его в полотняный мешочек. Когда он доводил шлих, то улыбался почти счастливо, хотя трудно представить себе счастливым человека с распухшими от ледяной воды кистями, с согбенной над лотком спиной и гарантированным на остаток дней ревматизмом. Слив шлих, Бог Огня в мгновение ока нахмурил карандашные прутки топлива, ложился спиной к ветру и откуда-то из живота у него сразу начинал валить дым. Бог Огня откатывался в сторону – и уже было бледное пламя крохотного костра, а у пламени примостились две консервные банки для чая, и в них закипала вода. Подходил Салахов. Бог Огня подкидывал новые прутки, молча грел покрасневшие руки, затем

мелкими частыми глотками выпивал свою кружку и шел мыть новую пробу. Или, если не требовалась его помощь, застывал у гаснущего костра, уставившись на угли.

Ночевали они в двухместной палатке, тесно прижавшись друг к другу. В палатке было тепло от дыхания. Разговаривали очень мало.

К Салахову во сне, в отличие от ясного настроения дня, приходило низкое полярное небо. Когда же ему во сне являлись сделанные в жизни ошибки, он просыпался и долго смотрел на палаточный потолок. Если ошибки не уходили, он перелезал через бесчувственное тело Бога Огня к выходу. Разжигал костер из заготовленных на утро веточек и долго сидел – одинокий человек в светлой тишине, окутавшей Заполярье. Среди молчания, нарушаемого лишь стуком перекачиваемых ручьем голышей, Салахов думал о жизни.

Жизнь Салахова, по кличке Сашка Цыган, делилась на три этапа. На первом этапе была жизнь в Прикубанье: школа, армия, служба в десантных войсках. После армии он вернулся домой и женился. Устроился шофером на консервный завод. Валентина, его жена, хотела, чтобы все в доме вызывало зависть соседей и еще, чтобы имелся недостаток тайный, неизвестный соседям. Из-за этого сержант-десантник Салахов связался с «левым» товаром, вывозимым с завода. Получил восемь лет.

Он оказался среди профессиональных уголовников. Его несколько раз били смертным боем, потому что он отказывался признавать установленные ими порядки – выполнять норму за какого-нибудь блатнягу, отдавать пайку. Салахов яростно защищался до тех пор, пока его не сбивали подлым ударом. Один раз он даже плакал злой и скупой слезой в бараке, потому что в этот, в последний раз его, уже полумертвого, били всерьез. Он представлял себе, как будет сохнуть и медленно умирать. Все из-за жадности Валентины.

Но на сухом жилистом теле Салахова заживало, как на собаке. Обошлось и на этот раз. Уголовники от него отступились. Два последних года он ходил рабочим в полевые геологические партии. Там приобрел специальность промывальщика и после освобождения устроился в геологическое управление. Шоферы в Поселке зарабатывали дурные деньги, но Салахов суеверно считал, что баранка не принесет ему счастья.

Так начался третий этап его жизни. Зимой он жил в общежитии, которое в Поселке именовалось «барак-на-косе». Там зимовали все неженатые итээр управления, все инженеры, техники и прорабы. Салахов странным образом почувствовал себя легко и свободно среди веселых ребят. Никто и словом не поминал ему прошлую жизнь. Для всех он был ровней, столь же добродетелен, как и другие, ни больше, но и ни меньше. Салахов быстро понял, что для парней, населявших семидесятикоечный барак с сугробами по углам, главным в жизни были не деньги, не жизненные удобства, даже не самолюбие. Они весело и твердо подчинялись неписаному своду законов. Твоя ценность по тем законам определялась, во-первых, умением жить в коллективе, шутить и сносить бесцеремонные шутки. Еще главнее было твое умение работать, твоя ежечасная готовность к работе. И еще главнее была твоя преданность вере в то, что это и есть *единственно правильная жизнь на земле*. Будь предан и не дешеви. Дешевку, приспособленчество в бараке *безошибочно* чувствовали.

Салахов истово принял неписанный кодекс. Ошибиться второй раз он не мог. Жизнь как затяжной парашютный прыжок. В затяжном парашютном прыжке двух ошибок подряд не бывает. Если ж случилось, то ты уже мертвый. Ты еще жив, еще работает дрожащее от ужаса сердце, но ты уже мертвый.

... Чем ближе они подходили к старой базе Катинского на речке Канай, тем меньше Салахов спал. Он работал у Катинского два сезона, именно Катинский сделал его промывальщиком. И сейчас Салахов думал о том, не сдешевил ли он дважды? Если так, то он уже мертвый, нет исправления, и за любым углом ждет судьба. Катинский ничего об этом не знал. Если бы он был здесь, Салахову было бы легче.

Когда они пришли на старую базу, Салахов долго ходил, пинал поржавевшие консервные банки и невесело улыбался, думая о людской и своей, в частности, глупости. Большой ли ум, высшее ли образование требовалось, чтобы предвидеть: дружки, с которыми он пил и целовался после удачной кражи с завода, продадут его, еще даже не дойдя до кабинета следователя. И Валентина больше боялась конфискации имущества, чем мужнина осуждения. Через год выскочила замуж. Салахов травил рану, вызывал злобу и ненависть. Сволочи, куркули проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме импортного тряпья, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули. Ненавижу! Салахов скалил зубы, и однажды сам больно, с наслаждением пнул собственную ногу. Знали бы ребята в бараке! Морда каторжная. Уголовник!

Шлихи здесь он мыл сам. Но в лотках ничего не было. Даже золотых знаков. Салахов самолично копал пробы с борта, с тундры, с русла, самолично лез в воду с лотком, напрасно вглядываясь в мутный остаток.

Бог Огня заикнулся на третий день: «Чего на заржавевшем месте стоять?» Салахов зыркнул на него выкаченным цыганским глазом и внятно сказал: «Сколько надо, столько будем».

4

Крупный горный заяц ошалело выскочил из-за камня, метнулся вверх и замер на фоне бледного неба. Заяц казался почти голубым. Было видно, как ветер шевелит шерсть на спине и как вздрагивают заячьи уши. Сергей Баклаков тихо беззлобно выругался: «Ах, клизма без механизма». Сейчас, на вторые сутки, он жалел, что не взял винтовку. Взял пистолет, оружие идиотов, но и тот с ремнем, кобурой и пачкой коротких патронов валялся на дне рюкзака. Баклаков нагнулся и прямо от земли закрутил в зайца камень. Тот сделал некое движение ушами и сгинул, растаял в вечернем воздухе.

Баклаков вышел на перевал. Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками. Это и была легендарная река Ватап на подступах к дикому нагорью Кетунг. Баклаков оглянулся. Река Эльгай, где стояла их база, исчезла среди путаницы черных и фиолетовых сопок.

Монголов приказал взять спальный мешок, пистолет, три банки сгущенки в качестве НЗ. Баклаков сказал «слушаюсь», пистолет взял, спальный мешок засунул под койку, чтобы он не лез на глаза Монголову. Сгущенку он терпеть не мог, поэтому выкинул и ее. Быстрота и натиск – вот ключ к решению маршрута. С грузом скорости не достигнешь. Впрочем, викинги ходили в набеги при полном грузе с оружием, в тяжелых морских сапогах и бегом. Черт с ними, с викингами. Их дело наскочить, грабануть и удрать. Его дело – выполнить задание Чинкова.

Баклаков выбрал затишек между камнями, скинул рюкзак и быстро разжег на камушке таблетки сухого спирта. Вместо котелка он носил консервную банку из-под консервированных персиков. Лужа воды была рядом. Пока чай закипал, Баклаков вынул из сумки маршрутную карту. Карта была старой, но верной. Тут что не знали северстроевские топографы, то не наносили, в чем сомневались – наносили пунктиром.

Облака разошлись. Тундра засияла желтым. Как в мультфильме, выступила синяя гряда Кетунгского нагорья. Над дальним синим туманом отрешенно и чисто сверкал ледовый конус горы, на которой никто не бывал. «Ах, боже мой, боже мой!» – от избытка счастья вздохнул Баклаков.

Он сидел, привалившись спиной к камню: кудлатая голова, насаженная на длиннорукое, длинноногое тело, грубо сделанное лицо выходца из вятских лесов и экономная поза, которая вырабатывается от жизни без стульев, в непрерывном движении.

Вечерело. Баклаков чувствовал это по особой тишине вокруг, по неуловимой смене освещения. Из внутреннего кармана он вытащил мешочек с махоркой и обгорелую с обломанным краем трубочку. Закурил, окутался сладковатым махорочным дымом. Вокруг него уже создался тот особый уют, который везде сопровождает бродячего человека. Он покуривал, вытянув ноги в драных брезентовых штанах, расстегнув телогрейку. Заросшее библейским волосом лицо Баклакова было умиротворенным и безмятежным. Сердце ровно отстукивало свои шестьдесят ударов в минуту, кровь, не отравленная еще никотином, алкоголем и болезнями, так же ровно и мощно бежала по жилам. Прекрасна страна из желтой тундры, темных гор и блеклого неба. Прекрасно одиночество рекогносцировщика среди неизученных гор и долин. Прекрасно, что ты никогда не умрешь.

В том, что он бессмертен, Баклаков ни на минуту не сомневался. Кроме того, он знал, что за спиной его всегда стоит старичок-лесовик, болотный бог, который ворожит ему в нужный момент. Сейчас Баклаков был доволен и весел, потому что находился один на один с собой, а значит, являлся именно тем, что он есть.

Восемнадцатилетним недотепой, карикатурным Ломоносовым в пиджаке х/б и кирзовых сапогах он попал с глухого лесного разъезда прямо в Московский геологоразведочный. Потомственная хитрость вятских плотников помогла ему выбрать линию поведения. Про золотую медаль Баклаков не упоминал, первый же смеялся над своими ботинками, первый садился чистить картошку в общаге и не лез вперед на собраниях. Простяга-парень, козел отпущения для курса – это он, Баклаков. «Почему в геологоразведочный? А разве с моей рожей в МАИ примут? Зачем в лыжную секцию записался? Дак мы привыкли на лыжах бегать. Ноги тоскуют». Где-то к третьему курсу все убедились в невероятной везучести Баклакова. Получает повышенную стипендию – профессуре нравятся деревенские и основательные. По старинке думают, что геолог это помесь выючного животного с человеком. Выполнил норму мастера по лыжным гонкам? Ребята сказали, что он один угадал мазь на первенстве Москвы, когда никто ее не мог угадать. Блаженным везет. Мало кто задумался к шестому курсу, что недотепа Сергей Баклаков взял от института много больше любого из них. Курс наук назубок, диплом с отличием, железное здоровье, отточенное шестью годами лыжных гонок, и распределение в никому не ведомый «Северстрой», где белые пятна на карте и неограниченные возможности для карьеры, работы и прочего. Спихватились, но поздно.

И уж никто не догадался, что Баклаков пришел в институт с яростным честолюбием, верой: вятская фамилия Баклаков еще будет на карте Союза. Так шептал забытый и сморщенный болотный бог. И он же говорил Баклакову, что задание Чинкова и есть начало настоящей работы. Первое – скромно, без шума доказать, что ты *можешь все*.

Баклаков быстро собрал рюкзак. Что-то изменилось вокруг. Слева, над верховьями реки Ватап, повисла огромная, совершенно черная туча. Стало чересчур тихо. Гул комаров изменился. Тональность стала другая. Надо скорее дойти до реки. Хуже нет как гадать, что предстоит. Действовать, а не размышлять – вот лозунг мужчины.

Уже внизу, врезавшись в кочки, Баклаков запел дурным голосом «о-о, если б навеки так бы-ыло».

К ночи, окончательно умотавшись, он отошел от массива километров на семь. Вершина массива грозно горела красным. Он долго ходил по ложбине и подбирал сухие прутики, веточки полярной березки. Затем распаковал рюкзак и достал палатку. «Клизма без механизма», – умиротворенно сказал Баклаков. Он давно уже привык разговаривать сам с собой. Еще в институтской общаге. Наскоро выпив чай, он притушил костерок, приподнял стенку палатки, засунул туда рюкзак, телогрейку, сапоги и влез сам, опустив за собой стенку. Сидеть в палатке было нельзя, и Баклаков лежа снял сапоги, надел сухие шерстяные носки, колени обмотал портянками, телогрейку застегнул на себе, оставив рукава свободными. Если даже ночь будет холодной, так он не замерзнет. В палатке было светло, и закатное солнце освещало

все внутри угрюмым красным светом. Комары безучастно сидели на потолке палатки. Снаружи что-то происходило, и Баклаков не мог понять что.

Но было тревожно. В отдалении сипло тьякнул песок. С шумом пролетела какая-то птица. Баклаков высунул из-под телогрейки руку и, криво усмехнувшись, расстегнул кобуру пистолета. «Спи, – сказал он себе. – Действовать, а не размышлять, такова истина. Чем больше думаешь, тем страшнее».

Прошел порыв ветра, бязь на потолке захлопала, вспыхнули, погасли в глазах искорки. Он уже смотрел сон, как идет в маршрут в какой-то южной стране. Идет в плавках, и в руках авоська с образцами. Он шел по берегу очень широкой черной реки и искал переправу. Он твердо знал, что отныне жизнь его делится на две половины: та, что до переправы, и та, что будет после. Вроде как школьная река Рубикон у школьного Цезаря. «Какого же черта, – сказал Баклаков. – Река не черная, а серая. Это другая река». Он проснулся.

Он никак не мог сообразить, сколько времени. Перед глазами было серо. Потом он увидел, что полотнище палатки провисло почти до лица, и понял, что проснулся от холода. Баклаков высунул голову и увидел, что тундра вокруг засыпана синим снегом. Сбылось предсказание! С неба что-то сыпало, не то дождик, не то мелкая снежная крупка. С ощущением беды Баклаков быстро оделся и выполз из палатки.

...Когда он вышел к реке, снег перестал, и над Кетунгским нагорьем прорезалась холодная зеленая полоска. Река впереди шумела глухо и грозно, но Баклаков не видел ее. Перед ним стояла стена мокрого кустарника с зябко повисшими листьями. Снега навалило сантиметров десять. Он разжег костер и выпил полную банку очень крепкого чая, затем вторую. Закурил и сказал сам себе: «Вот и снова жизнь прекрасна и удивительна».

Баклаков прошел вдоль кустарника вниз по реке. Вышел на небольшую тундровую прогалину. Прямо от нее начинался длинный косой пережат. Кое-где на пережат торчали черные блестящие камни. Вода была равнодушной. Рядом с заснеженным берегом она казалась черной. Чуть ниже берег переходил в торфяной обрыв. Обрыв был подмыт, и в темную пасть его вода устремлялась с сытым утробным бульканьем. Противоположный конец пережата пропал в серой мгле над серой водой. Плавать Баклаков почти не умел. Он скрыл это от Монголова и Чинкова.

– Ну и вот, а ты боялся! – громко сказал Баклаков, чтобы подбодрить себя. Но почему-то голос прозвучал глухо, и настороженная река не приняла его.

– А вот я сейчас! – упрямо выкрикнул Баклаков. Он быстро стал раздеваться. Надо действовать, а не размышлять. Штаны и сапоги сунул под клапан рюкзака, коробку спичек положил под вязаную лыжную шапочку, дневник плотно замотал в тряпки, так он не отсыреет, если даже попадет в воду. Телогрейку снимать не стал.

Вода охватила щиколотки, точно шнуровка горнолыжных ботинок. Галька на дне была очень скользкой, но скоро Баклаков перестал ее ощущать. Ноги онемели от холода, и он шел как на протезах, деревянными ступнями нащупывал камни и выбоины. Вода поднялась до колен, потом до бедер. «Сшибет», – отрешенно подумал Баклаков. Зеленая полоска над Кетунгским нагорьем расширилась, и сверху как назидательный перст простирался одинокий солнечный луч. Наклонясь против течения, Баклаков брел и брел через этот нескончаемый пережат, колени и ноги уже не ломило, просто они казались обмотанными липкой знобящей ватой. Когда вода опустилась к коленям, он побежал, высоко вскидывая ноги, выскочил на узкую полоску песка за пережатом и без остановки вломился в кустарник. Весь облепленный узкими ивовыми листьями, вырвался на небольшую, с пятнами снега поляну. На полянке сидел заяц и смотрел на него. «Привет, братишка», – на бегу сказал Баклаков. Заяц даже в сторону не отскочил, только сделал следом несколько прыжков, любопытствующий, непуганый житель реки Ватап. Баклаков проломился через кустарник и остановился ошеломленный. Могучий речной поток в всплесках водоворотов катился перед ним. Вода мчалась и в то же время каза-

лась неподвижной, застывшей в какой-то минувший давно момент. Она тускло сверкала. На миг Баклаков почувствовал себя потерянным. Среди сотен безлюдных километров. Тундровых холмов. Речных островов. Темных сопок. Под низким небом. Один!

...Ночью пошел сильный снег. Он падал крупными влажными хлопьями, и потолок палатки провисал все больше и больше. Земля была мокрая, и Баклакова сильно знобило. Если бы он взял спальный мешок, он мог бы залезть в него и спать несколько суток, не расходуя продуктов. Если бы он взял винтовку, можно было сидеть у костра и жарить оленину или тех же зайцев.

Полотнище палатки оседало все ниже и ниже, и вдруг его осенило: мокрая бязь не будет пропускать воздух. Если бы даже он был мастером спорта по плаванию, это не помогло бы ему в здешней воде. Может быть, поможет палатка. И все росло и росло томительное чувство необходимости. Выхода нет, а значит, зачем откладывать?

Снег все валил и валил. Было тихо, и даже шум воды шел как сквозь вату. Баклаков скал палатку. Вытащил из рюкзака шнур и плотно перевязал его в двух местах. Не раздеваясь, перешел пережат. Сапоги стали очень тяжелыми. У следующей протоки он тщательно вымочил палатку в воде. Пока он ее мочил, руки заоченели. Баклаков взметнул палатку как сеть-закидушку и быстро собрал в горсть дно. Получился большой белый пузырь. Он вошел в воду и положил щеку на влажную бязь. Одной рукой он держал дно палатки, собранное в горсть, другой – греб. Он слышал, как шипят выходящие сквозь ткань пузырьки воздуха, как слабеет под щекой воздушная подушка, слышал холод, сжимавший грудь. Берег исчез. Быстро и бесшумно мчалась вода. Водовороты скручивались вокруг него. Страха не было.

Пузырь палатки все слабел и слабел. Он перехватил левую руку повыше и стал быстрее грести. Но палатка как-то сразу вздохнула, и голова ушла в воду. Баклаков схватил палатку зубами и начал грести обеими руками. Но белесая, как привидение, ткань метнулась к животу, спутала руки. Он разжал зубы, и тут же его потянуло вниз – палаточные растяжки захлестнуло за сапоги. Течение несло его куда-то вниз, бесшумно и очень быстро, как во сне. Баклаков нырнул, чтобы распутать ноги. Шапочку смыло. Пеньковая веревка мертво держала ноги. В это время рядом с ним возник сморщенный бог-старичок. «Нож, – сказал он ему. – Успокойся, у тебя нож». Баклаков снова нырнул и просунул лезвие между спутанных ног. Сразу стало легче. «Скинь рюкзак, – сказал ему старичок. – Не бойся». Палатка колыбалась рядом. Баклаков погреб по-собачьи. В левой руке было мертво зажат нож. В телогрейке еще держался воздух, и плыть было легко. Впереди на воде мелькнуло что-то темное. «Куст застрял, отмель», – сообразил Баклаков. Он поймал метавшуюся рядом палаточную растяжку, просунул ее сквозь лямку рюкзака, опустился, оттолкнулся от дна и скакнул вперед, снова опустился и снова оттолкнулся вперед...

По отмели он прошел вверх, буксируя по воде рюкзак и палатку. Телогрейка и одежда казались невероятно тяжелыми. Он вышел на остров, впереди была другая протока, но мордовский бог был рядом, и Баклаков без колебания вошел в воду.

...Снег шел все гуще, и Баклаков боялся потерять направление. Он вытащил из кармана компас, но внутри его была вода, и стрелка прилипла к стеклу. Буксируя палатку, один за другим он пересекал и пересекал мелкие острова и протоки, казалось, им нет числа.

Коренной берег он угадал сразу. «Вот так-то, товарищ Чинков! Клизма без механизма!» – сказал Баклаков. Снег шел. Баклаков выжал телогрейку. Отжал портянки. Судя по весу, вода в рюкзак почти не попала. Сейчас его лучше не трогать. Пленка в футлярах, фотоаппарат и дневник замотаны. У него оставалась коробка спичек, залитая парафином. НЗ в нагрудном кармане. Ее тоже трогать нельзя. Пятьдесят спичек – пятьдесят костров в сухую погоду. Есть нож, есть вата в телогрейке, а кремни найдутся. Продукты, кроме сахара, высохнут.

Баклаков надел сапоги, телогрейку и побежал. Берег тянулся ровный, засыпанный снегом, вода рядом с ним была темной, как глубокий колодец. Он бежал очень долго, пока не

наткнулся на другую воду среди белого берега. Это был приток Ватапа, и по нему надо бежать вверх, в Кетунгское нагорье. «Вот так-то, товарищ Чинков», – на бегу повторял Баклаков. Он знал, что ему надо бежать, пока не кончится снег. Снег кончится, он найдет топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна. Вот так-то, товарищ Чинков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.